Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ [1]).

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria [2]).
Dante.

Высшее общество. Служебныя отношенія. Музыка.

I.

По поводу важнаго и долгаго тяжебнаго дѣла въ Сенатѣ, я вынужденъ былъ весною 1833 г. отправиться въ Петербургъ. Два дня и двѣ ночи ѣхалъ я изъ Риги въ дилижансѣ и наконецъ, утромъ на третій день, достигъ 60° сѣверной широты и остановился противъ Семеновскаго моста, у конторы дилижансовъ. Уже и тогда славилась «гостинница Демута», пріобрѣтшая въ настоящее время историческую извѣстность. Мнѣ шелъ 24 годъ. Парижъ и Лондонъ были мнѣ коротко знакомы; съ понятіемъ о большихъ городахъ я вполнѣ освоился; но кромѣ нѣкоторыхъ родственниковъ, принадлежавшихъ къ чиновничьему міру, я былъ человѣкъ чужой въ Петербургѣ, гдѣ судьба опредѣлила мнѣ узнать все и всѣхъ и застрять на долгое время. Въ своей родной Ригѣ я числился адвокатомъ. Дядя мой, генералъ-лейтенантъ Бартоломей, принадлежавшій къ дворянскому роду Лифляндскаго острова Эзеля, женился въ Петербургѣ на графинѣ Девьеръ [3]) и затѣмъ исчезъ для насъ въ высшемъ воинскомъ кругу. Онъ былъ человѣкъ сердечный и во времена молодости искреннѣйшій другъ моего отца. Отецъ Бартоломея находился въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ дѣдомъ по отцу, что они помѣнялись между собой старшими сыновьями, такъ что мой отецъ воспитывался въ Аренсбургѣ, а Бартоломей у насъ въ Ригѣ. Рѣдкій случай, характеризующій семейныя отношенія стараго времени.

Мнѣ велѣно было явиться къ дядиной тещѣ.. Старая графиня [4]) жила у Конюшеннаго моста на Мойкѣ, въ тѣсной, но уютной обста-

---

[1]) Извлечено изъ С.-Петербургской Нѣмецкой газеты (S.-Petersburger Zeitung) нынѣшняго года. Сочинитель этихъ любопытныхъ Записокъ не означаетъ своего имени. П. Б.

[2]) Нѣтъ больше горя, какъ въ бѣдствіи вспоминать о счастливомъ прошломъ.

[3]) На графинѣ Александрѣ Николаевнѣ. *П. Б.*

[4]) Графиня Марья Михайловна Девьеръ, урожд. Сабурова. *П. Б.*

новкѣ. Я очутился передъ маленькой, дородной женщиной, съ головою, глубоко ушедшею въ плечи, съ сѣрыми проницательными глазами и рябоватымъ лицомъ. Графиня была урожденная Сабурова, а Сабуровы принадлежатъ къ древнѣйшимъ боярскимъ родамъ. Она во всѣхъ отношеніяхъ была представительницей прошлаго столѣтія, объяснялась только порусски и придерживалась стараго патріархальнаго обычая говорить всѣмъ, старому и молодому, знатному и незнатному, ты. Нѣкогда она была богата и жила открыто. Теперь посвятила она всю себя моему двоюродному брату Ивану Бартоломею, который только-что былъ выпущенъ изъ юнкерскаго училища гвардейскимъ офицеромъ и жилъ у нея въ домѣ. «Мой Жанъ ученый», сказала она, «и ведетъ разговоры все объ ученыхъ предметахъ. Согласенъ ты жить у насъ, въ одной съ нимъ комнатѣ?» Я принялъ предложеніе съ радостію.

Жанъ, хотя и прошелъ только курсъ юнкерскаго училища, былъ дѣйствительно въ своемъ родѣ ученый. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что на все достаточно одного только здраваго человѣческаго смысла, этого знаменитаго здраваго смысла, на который всѣ ссылаются, но который встрѣчается такъ рѣдко. Онъ былъ нумизматъ по природѣ. Самъ собою выучился онъ Персидскому языку. Сассаниды были его спеціальностію. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ за своими монетами. Извѣстный нумизматъ, академикъ Дорнъ, посѣщалъ его и совѣтовался съ нимъ при покупкѣ монетъ. Когда Жанъ бралъ въ руки монету, взоръ его, такъ сказать, насквозь проницалъ ее, и часто говаривалъ онъ къ удивленію великаго Нѣмецкаго ученаго: «эта монета настоящая, а эта извѣстная Парижская поддѣлка», и представлялъ доказательства своему мнѣнію. Также и полатыни онъ выучился самъ собою, практически, по Римскимъ монетамъ, а не по Брёдеру и Шаллеру. Все въ немъ было дѣльно и основательно. Если я предлагалъ помочь ему въ разборѣ какой нибудь надписи на монетѣ, онъ отвѣчалъ: «Не надо, не надо! Дня въ два я самъ добьюсь; лишь то остается въ памяти, до чего самъ дойдешь!» Латинскимъ языкомъ занимался онъ только для разнообразія, слѣдуя пословицѣ: Varietas delectat [5]). Онъ любилъ Римскія изреченія. Восточными языками онъ обладалъ какъ роднымъ. Онъ говорилъ какимъ-то особенно-изящнымъ Русскимъ языкомъ, не такимъ какъ другіе, и превосходно пофранцузски. Относительно произношенія, онъ былъ педантъ и въ спорахъ объ этомъ предметѣ всегда оставался правъ. Писать на иностранныхъ языкахъ онъ терпѣть не могъ, а также не любилъ Нѣмецкаго языка, который зналъ очень мало — явленіе очень часто встрѣчающееся въ дѣтяхъ, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Онъ былъ ультра-аристократъ и обладалъ свѣдѣніями по части геральдики. Гербъ его отца былъ прекрасенъ: Пегасъ съ надписью: «per aspera ad astra» [6]). Свои нумизматическія изслѣдованія онъ представилъ Академіи на сухомъ Французскомъ языкѣ; онѣ были опубликованы въ Бюллетенѣ и оцѣнены по достоинству знатоками.

Мы спали на диванахъ, предъ которыми стояло по рабочему столику. Говорили мы пофранцузски, и ему нравился мой нѣсколько-изысканный Парижскій выговоръ; но малѣйшій неправильный акцентъ

---

[5]) «Разнообразіе пріятно».

[6]) «Труднымъ путемъ къ небесамъ».

въ произношеніи приводилъ его въ священное негодованіе. Это было для меня очень полезно. «Что за толстая книга?» спросилъ онъ меня въ первое утро. «Corpus juris и вдобавокъ изданіе Эльзевира».—«Я люблю толстыя книги; вотъ и моя толстая книга!» Это былъ Керъ-Портеръ, сборникъ великолѣпныхъ гравюръ на мѣди, изображавшихъ развалины Персеполя—огромный фоліантъ въ полиняломъ красномъ сафьянѣ съ золотымъ гербомъ. «Это рѣдкость; гдѣ вы ее достали?» «Гдѣ я достаю и свои монеты—на толкучкѣ. Надобно только не щадить труда, надо все изслѣдовать: погреба, подвалы. Видишь ли, когда умираетъ какой нибудь знатный вельможа, державшій только ради моды библіотеку или какую нибудь колекцію, то лакейство крадетъ изъ всего этого, что только можно, и продаетъ за безцѣнокъ стоившее большихъ денегъ. Все это попадаетъ на толкучку. Я туда дѣлаю еженедѣльный набѣгъ. Толкучка неистощима, потому что воровство никогда не прекращается». И дѣйствительно, десять лѣтъ спустя, одинъ молодой гвардейскій офицеръ, любитель картинъ, купилъ на толкучкѣ большую на двое распиленную картину Гольбейна, возстановилъ ее и отказался продать за 40,000 франковъ Людовику Филипу, который именно въ то время собиралъ произведенія Гольбейна и посылалъ нарочнаго удостовѣриться въ ея подлинности. Она представляла Поклоненіе Волхвовъ, сопровождаемыхъ многочисленной свитой; фигуры въ $^1/_4$ натуральной величины. Весь Петербургъ бросился смотрѣть картину. Имя счастливца Ладевицкій; въ большомъ свѣтѣ, гдѣ мы съ нимъ еще встрѣтимся, его называли «le petit guerrier» [7]). Черезъ эту картину онъ попалъ ко двору великой княгини Елены Павловны.

Касательно обмѣна мыслей, Бартоломей былъ мнѣ другомъ; но въ сущности мы составляли положительную противоположность между собою. Въ музыкѣ и поэзіи онъ ничего не смыслилъ, не интересовался даже Бальзакомъ, бывшимъ тогда въ такой модѣ, что можно было даже, вмѣсто: «Comment vous portez-vous?» спросить: «Avez-vous lu l'Histoire des treize?» [8]) Бартоломей говаривалъ: «Какъ получу наслѣдство послѣ матушки, сейчасъ же выхожу въ отставку, переодѣваюсь Персидскимъ нищимъ и пѣшкомъ пойду чрезъ Ташкентъ и Персію въ Индію. Вотъ тамъ-то можно находить древнія монеты!» Когда ему доводилось идти въ караулъ, онъ клалъ въ карманъ свертокъ съ Сассанидами и, приговаривая: «вотъ мой Бальзакъ», отправлялся на свою 24 часовую службу. Онъ былъ мелоченъ по службѣ, но очень любимъ товарищами и умѣлъ сдѣлать такъ, что они рѣдко его посѣщали, чтобы не отнимать у него времени отъ занятій. Онъ мало спалъ и почти ничего не ѣлъ, но весь день на пролетъ пилъ чай и курилъ. По ночамъ онъ рисовалъ на память развалины Персеполя и исправлялъ себя потомъ по Керъ-Портеру. Онъ не посѣщалъ ни общества, ни театровъ.

Въ первый же день моего новоселья, около 4 часовъ, поднялся страшный шумъ на дворѣ дома, куда выходили наши окна. Громадное зданіе на четырехъ колесахъ, съ исполинскими гербами на дверцахъ, въ четыре лошади, съ форейторомъ, кучеромъ и лакеемъ въ ливреѣ, съ громомъ выкатилось изъ воротъ. «Grand'maman отправ-

---

[7]) «Маленькій воинъ».

[8]) Какъ поживаете? Читали-ли вы «Исторію тринадцати»?

ляется въ зимній дворецъ», объяснилъ мнѣ Жанъ: «она круглый годъ ежедневно ѣздитъ къ министру двора (князю Волконскому) обѣдать; къ 11 часамъ вечера за нею пріѣзжаетъ карета. Дождитесь бабушки; она это любитъ, она вамъ разскажетъ что̀ тамъ было и кто тамъ былъ. Но при этомъ вы должны только слушать, ничего не говорить и ни о чемъ не распрашивать; она стараго поколѣнія и стараго времени, когда молодые люди не смѣли разѣвать ротъ, а для нея и министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, молодой человѣкъ. Сего послѣдняго вы увидите у насъ; онъ человѣкъ очень свѣдущій и въ милости у князя». Бартоломей отправился въ караулъ, я остался одинъ. «Пора-бы пообѣдать», подумалъ я, и скромно освѣдомился на счетъ обѣда у горничныхъ, старшая изъ которыхъ дежурила по ночамъ у графини, когда та страдала безсонницей. Отвѣтъ былъ: «У насъ на кухнѣ никогда не разводятъ огня, ставятъ только самоваръ; мы никогда не обѣдаемъ, мы покупаемъ себѣ поѣсть въ лавкѣ; молодой баринъ тоже посылаетъ за обѣдомъ—ему все равно».

Графиня возвращалась ровно въ 11 часовъ. Лакей несъ за нею свертокъ съ придворными конфетами, которыя она акуратно каждый разъ брала отъ десерта и которыя на другое утро подавались къ чаю. Этими отличными конфетами можно было заморить червячка до обѣда.

Настала для меня своеобразная, тихая-тихая жизнь. По вечерамъ можно было чуять вѣяніе вѣчности! Я чувствовалъ себя какъ-бы въ птичьемъ гнѣздѣ, въ самой трущобѣ лѣса, называемаго Петербургомъ, но безъ корма.

«Пора тебѣ представляться!» сказала добродушная старушка. «Я говорила о тебѣ съ Грегуаромъ». Грегуаръ былъ сынъ министра двора, только что возвратившійся лауреатомъ изъ Парижскаго университета, отличный баритонъ и человѣкъ въ высшей степени любезный. Впослѣдствіи онъ былъ очень любимъ, въ должности попечителя Петербургскаго университета. Съ нимъ я тотчасъ же сошелся: это былъ человѣкъ по мнѣ. Онъ явился ко мнѣ самъ, совершенно попарижски и объявилъ мнѣ напрямикъ: «Я введу васъ только въ два дома, гдѣ я свой человѣкъ и гдѣ вы можете быть увѣрены въ отличномъ пріемѣ: къ князю Одоевскому, писателю, и къ почтдиректору Булгакову. У Одоевскаго вы найдете литераторовъ изъ высшаго круга и также Блудова; съ нимъ не мѣшаетъ познакомиться. У Булгакова вы встрѣтите министровъ и дипломатовъ; даже отецъ мой, который ни у кого не бываетъ, посѣщаетъ его. Вы вѣроятно уже слышали отъ вашихъ близкихъ, что отецъ мой неразлученъ съ Государемъ; ему я не смѣю никого представлять».

Григорій Волконскій [9]) занималъ маленькій антресоль въ коридорѣ Зимняго дворца, ведущемъ въ помѣщеніе гофмейстера, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Государемъ. Въ этомъ антресолѣ мы много занимались музыкой. Извѣстная витая лѣстница, со стороны Невской набережной, на пути въ фельдмаршальскую залу, вела также и къ министру двора, который занималъ всего три комнаты, но въ какомъ сосѣдствѣ! Наканунѣ новаго года, въ тѣ времена, каждый имѣлъ

---

[9]) Князь Григорій Петровичъ Волконскій, въ должности гофмейстера, женатъ былъ на дочери шефа жандармовъ графинѣ Маріи Александровнѣ Бенкендорфъ. *П. Б.*

право являться безъ билета въ Зимній дворецъ на маскерадъ, состоявшій въ томъ, что весь дворъ, одѣтый въ домино, совершалъ процессію чрезъ всѣ покои дворца. Дворъ ужиналъ въ театрѣ Эрмитажа. Народу во дворцѣ собиралось нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ немало бараньихъ тулуповъ. Всѣ залы, всѣ комнаты были биткомъ набиты людьми изъ всѣхъ сословій. И надъ всей этой массой высилась высокая фигура императора Николая, въ треугольной шляпѣ съ развѣвающимися перьями.

Князь Григорій Волконскій былъ такъ добръ, что взялся показать мнѣ этотъ ужинъ. Сдѣлать это могъ только онъ, да и то директоръ Эрмитажа Лабанскій чуть не преградилъ намъ доступа. Освѣщеніе театра было по истинѣ волшебное. Отъ этого народнаго праздника, не имѣвшаго ничего себѣ подобнаго при другихъ Европейскихъ дворахъ, до такой степени портилась мебель, подымалась такая пыль по всему необъятному зданію, что онъ былъ отмѣненъ съ 1 Января 1835 года. Разскажу замѣчательный случай, связанный съ воспоминаніемъ объ этомъ праздникѣ. При Александрѣ I-мъ вошло въ обычай спрашивать у перваго, кто входилъ во дворецъ, и у послѣдняго, кто его покидалъ, имена ихъ и на другое утро докладывать о нихъ Государю. Одинъ начальникъ отдѣленія Военнаго Министерства, состоявшаго подъ управленіемъ всемогущаго Аракчеева, никогда еще не бывалъ ни въ маскарадѣ, ни въ театрѣ; всю жизнь онъ ложился въ 10 часовъ вечера и вставалъ съ солнцемъ. Сестра его жены пріѣзжаетъ изъ провинціи, и обѣ дамы рѣшаютъ, что старикъ долженъ ѣхать съ ними въ маскарадъ. На свое несчастіе онъ соглашается. Онъ не зналъ, что̀ такое выходить изъ дому, или возвращаться въ 11 часовъ. Въ огромномъ нижнемъ этажѣ дворца, въ нѣкоторыхъ проходныхъ комнатахъ есть маленькіе, неосвѣщенные кабинетцы, снабженные креслами. Этотъ господинъ юркнулъ въ одинъ изъ такихъ закоулковъ, сказавъ своимъ дамамъ, чтобъ онѣ слѣдовали за толпой, совершили бы своей маскарадный обходъ и потомъ пришли за нимъ. Но этого имъ не удалось исполнить: кабинетцевъ множество, занавѣски ихъ опущены, давка страшная. Дамы въ отчаяніи отправляются домой, старика же утромъ будятъ полотеры. Онъ ушелъ послѣднимъ, но и прибылъ первымъ, въ надеждѣ поскорѣе отдѣлаться. Проходитъ годъ. Аракчеевъ дѣлаетъ представленіе къ наградамъ. Его лучшій работникъ, нашъ начальникъ отдѣленія, тоже не забытъ. Представленіе Государь утверждаетъ, вычеркивая одного начальника отдѣленія. Аракчеевъ рѣшается замолвить за него слово, но Государь прерываетъ его: «Вы ничего не знаете; этотъ чиновникъ посѣщаетъ всѣ маскарады; онъ первый появляется и послѣдній уѣзжаетъ — это ужъ не работникъ!» Никакіе доводы не подѣйствовали: старику пришлось выйти въ отставку. Онъ только и покидалъ свою квартиру, чтобы идти въ канцелярію, гдѣ и былъ первымъ и послѣднимъ. Такъ разсказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ оберъ-шенкъ графъ Вьельгорскій и при этомъ прибавилъ: «Я тебѣ вотъ что скажу: ты, мнѣ кажешься именно такимъ человѣкомъ, что̀ способенъ какъ разъ попасть въ бѣду». Графъ, по Русскому обычаю, говорилъ мнѣ ты, изъ снисходительной дружбы.

II.

Въ 1833 г. князь Владиміръ Одоевскій, уже извѣстный писатель, принималъ у себя каждую субботу послѣ театра. Придти къ нему

прежде 11 часовъ было рано. Онъ занималъ въ Машковомъ переулкѣ (на углу Большой Миліонной) скромный флигилекъ; но тѣмъ не менѣе у него все было на большую ногу, все внушительно. Общество проводило вечеръ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ и только къ концу переходило въ верхній этажъ, въ львиную пещеру, то есть въ пространную библіотеку князя. Княгиня, величественно возсѣдая передъ большимъ серебрянымъ самоваромъ, сама разливала чай, тогда какъ въ другихъ домахъ его разносили лакеи совсѣмъ уже готовый. Ее называли la belle Créole [10]), такъ какъ она цвѣтомъ лица похожа была на Креолку и нѣкогда славилась красотою. Она была сестра сенатора Ланскаго, бывшаго впослѣдствіи министромъ. У Одоевскаго часто бывали Пушкинъ, Жуковскій, поэтъ князь Вяземскій, драматургъ князь Шаховской, въ насмѣшку называвшійся le père de la comédie [11]), далѣе Замятинъ (будущій министръ юстиціи), Блудовъ, молодые члены Французскаго посольства. Изъ дамъ особенно обращали на себя вниманіе красавица Замятина, графиня Лаваль старая и страшно безобразная, и нетерпящая свѣта княгиня Голицына, Princesse Nocturne [12]), какъ ее называли, потому что она обращала ночь въ день и вставала не раньше полуночи. Она носила всегда платья рѣзкихъ цвѣтовъ, слыла ученою и, говорятъ, вела переписку съ Парижскими академиками по математическимъ вопросамъ. Мнѣ она казалась просто скучнымъ синимъ чулкомъ. Во время пребыванія Бальзака въ Петербургѣ въ 1845 году, она, не будучи съ нимъ знакома, послала за нимъ въ полночь карету съ приглашеніемъ къ себѣ. Я случайно находился въ то время у Бальзака, который очень этимъ оскорбился, и я всѣми силами старался успокоить его, поставляя ему на видъ всѣ странности старухи. Бальзакъ написалъ ей: «У насъ, милостивая государыня, посылаютъ только за врачами, да и то за тѣми, съ которыми знакомы. Я не врачъ». Подпись, и ничего болѣе. Въ негодованіи Бальзакъ ударялъ кулакомъ по столу и восклицалъ: «чего мнѣ послѣ этого ждать впереди!»

У князя Одоевскаго я встрѣтился съ землякомъ фонъ-Вегезакомъ, Рижскимъ уроженцемъ, котораго за его наружность называли барономъ. Онъ служилъ подъ начальствомъ Лаваля въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и впослѣдствіи былъ министромъ-резидентомъ въ Ганзейскихъ городахъ. Тутъ можно было встрѣтить также Дантеса, красиваго кавалергардскаго офицера, отъ руки котораго впослѣдствіи палъ Пушкинъ. Гордый своими успѣхами между дамами, онъ былъ воплощенная спѣсь. Гораздо скромнѣе и проще держалъ себя молодой Римлянинъ, другъ Григорія Волконскаго, учитель пѣнія, Чіабатта, ослѣпительной красоты Антиноева голова. Онъ женился на богачкѣ и потерялся для насъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. По красотѣ Дантесъ не могъ идти въ сравненіе съ Чіабаттой, но онъ носилъ мундиръ, а мундиръ надо всѣмъ бралъ тогда верхъ!

Однажды вечеромъ, въ Ноябрѣ 1833 г., я пришелъ къ Одоевскому слишкомъ рано. Княгиня была одна и величественно возсѣдала передъ своимъ самоваромъ; разговоръ не клеился. Въ этомъ домѣ человѣчество подраздѣлялось на князя, княгиню, княжну и за тѣмъ

---

[10]) Прекрасная Креолка.
[11]) Отецъ комедіи.
[12]) Ночная Княгиня.

уже остальное человѣчество. Вдругъ—никогда этого не забуду—входитъ дама, стройная какъ пальма, въ платьѣ изъ чернаго атласа, доходящемъ до горла (въ то время былъ придворный трауръ). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывалъ—incessu dea patebat! [13]) Благородныя, античныя черты ея лица напоминали мнѣ Евтерпу Луврскаго Музея, съ которой я хорошо былъ знакомъ. Князь Григорій, подошедъ ко мнѣ, шепнулъ на ухо: «не годится слишкомъ на нее засматриваться». Въ этомъ домѣ не существовало общаго всѣмъ другимъ домамъ и всегда тягостнаго обычая представлять гостей другъ другу. Разъ введенный сюда считался какъ-бы знакомымъ со всѣми и такъ и держалъ себя. Это весьма удобно. Уходятъ, не прощаясь, и входятъ съ легкимъ поклономъ, какъ будто видѣлись 10 минутъ тому назадъ. Мнѣ захотѣлось посидѣть по крайней мѣрѣ около Пушкина. Я собрался съ духомъ и сѣлъ около него. Къ моему удивленію, онъ заговорилъ со мной очень ласково: должно быть былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Гофмана фантастическія сказки въ это самое время были переведены въ Парижѣ на Французскій языкъ и, благодаря этому обстоятельству, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ. Тутъ во всемъ главную роль игралъ—Парижъ. Пушкинъ только и говорилъ что̀ про Гофмана; не даромъ же онъ и написалъ Пиковую Даму въ подражаніе Гофману, но въ болѣе изящномъ вкусѣ.

Гофмана я зналъ наизустъ; вѣдь мы въ Ригѣ, въ счастливые юношескіе годы, почти молились на него. Нашъ разговоръ былъ оживленъ и продолжался долго; я былъ въ ударѣ и чувствовалъ, что говорилъ какъ книга. «Одоевскій пишетъ тоже фантастическія пьэсы», сказалъ Пушкинъ съ неподражаемымъ сарказмомъ въ тонѣ. Я возразилъ совершенно невинно: Sa pensée malheureusement n'a pas de sexe [14]), и Пушкинъ неожиданно показалъ мнѣ весь рядъ своихъ прекрасныхъ зубовъ: такова была его манера улыбаться. «Что такое вы сказали?» спросилъ меня князь Григорій, «чему онъ засмѣялся?» Слова, сказанныя мною, впослѣдствіи распространились въ публикѣ; я долженъ былъ-бы сказать себѣ: si tacuisses, philosophus mansisses [15]); но я былъ молодъ.

На верху въ библіотекѣ у Одоевскаго сидѣлъ худощавый господинъ, въ черномъ фракѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, со звѣздою на каждой сторонѣ груди. Я слышалъ отъ Бартоломея, что настоящая сторона для звѣзды лѣвая, хотя-бы ихъ имѣлось и двѣ. Черный господинъ напомнилъ мнѣ Магнетизёра въ Гофманѣ. Онъ разсуждалъ о полемикѣ между Савиньи и Гансомъ по вопросу о possessio [16]), сдѣлавшейся извѣстною благодаря только что прибывшей изъ Парижа книгѣ Лерминье: Introduction à l'histoire de droit [17]), поверхностной, но написанной увлекательнымъ слогомъ. И все же опять Парижъ! Черный господинъ продолжалъ ораторствовать. Пушкинъ бросалъ на него нетерпѣливые взгляды: ему очевидно все это страшно надоѣло. Я испросилъ себѣ слова, только потому (какъ я скромно прибавилъ)

---

[13]) Когда она появлялась, то казалось, что видишь богиню.
[14]) Къ несчастію, мысль его не имѣетъ пола.
[15]) Если бы смолчалъ, остался бы философомъ.
[16]) Владѣніе.
[17]) Введеніе въ исторію права.

что слушалъ въ Берлинѣ лекціи Савиньи и Ганса. Я попалъ въ свою сферу и изложилъ дѣло ясно и общедоступно, что̀ не составляетъ большой заслуги для студента Дерптскаго университета. Черный господинъ поднялся съ мѣста и прямо подошелъ ко мнѣ. «Я принимаю по Четвергамъ», сказалъ онъ, «и буду очень радъ видѣть васъ у себя. Я Дегай». Это приглашеніе имѣло для меня важныя послѣдствія. До сихъ поръ тяжба моя заставляла меня не разъ понапрасну стучаться у дверей его; онъ оставался для меня невидимкой, онъ, директоръ Министерства Юстиціи. Дегай тотчасъ же опредѣлилъ меня на службу, что̀ было моимъ самымъ горячимъ желаніемъ, ибо Петербургъ мнѣ полюбился.

Ваканціи никакой не было, и въ строгомъ смыслѣ слова нельзя сказать, чтобъ я былъ опредѣленъ къ должности. Мнѣ только поставили стулъ у стола регистратуры. Дегай занималъ меня переводами на Русскій языкъ. Первою работою, которую онъ мнѣ задалъ, былъ переводъ послѣдней главы Пандектовъ. Поводомъ къ тому послужило то, что я неосторожно упомянулъ въ его присутствіи объ надписи de regulis juris. Напрасно я, бѣдный, отказывался и увѣрялъ, что эту главу, именно эту главу, можно понимать тогда только, когда вполнѣ овладѣешь всей исполинской системой. Дегай никогда не отступался отъ своихъ приказаній; трудъ былъ исполненъ и оказался все-таки вполнѣ безполезнымъ, какъ и многое другое въ послѣдствіи. Дегай жилъ въ зданіи Министерства, обѣдалъ въ два часа одинъ и очень торопливо, чтобы успѣть еще поработать до театра. Почти каждый день ко мнѣ являлся лакей и звалъ меня къ столу. Тутъ мнѣ предстояло отвѣчать на множество разнообразнѣйшихъ вопросовъ и въ добавокъ ѣсть изъ почтительности. Въ Департаментѣ на это смотрѣли, какъ на начальническое покровительство, и это, въ соединеніи съ моей Нѣмецкой фамиліей, дѣлало меня окончательно ненавистнымъ. Какъ мнѣ было быть? Жаловаться ему я не могъ. Позднѣе, когда, вслѣдствіе открывшейся ваканціи, я поступилъ въ отдѣленіе, столоначальникъ Оппель, Русскій Нѣмецъ, ни слова не говорившій понѣмецки, придирался ко мнѣ при всякомъ случаѣ и заставлялъ переписывать свои доклады, что̀ мнѣ очень пріятно было; ибо самъ я тогда еще не могъ ихъ составлять. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, директоръ сказалъ мнѣ: «Министръ (Дашковъ) благодаритъ васъ; онъ сказалъ мнѣ, что всѣ доклады писаны одной рукою, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ошибки, тогда какъ въ другихъ отдѣленіяхъ ошибки встрѣчаются то и дѣло».

Пріѣхалъ отецъ Бартоломея, и я долженъ былъ покинуть старую графиню. Я поселился въ домѣ архитектора Висконти, ведшаго свой родъ отъ знаменитыхъ Миланскихъ Висконти. Графъ Литта называлъ его кузеномъ и имѣлъ съ нимъ одинъ и тотъ же гербъ. Домъ Висконти находился близъ Школы Правовѣдѣнія, и я занялъ въ немъ угловое помѣщеніе, которое прозвалъ полигономъ. Я простудился и нѣсколько дней не могъ ходить въ Министерство. Въ одно прекрасное утро у моей постели очутился директоръ со связкою документовъ подъ мышкою, которую онъ мнѣ и подалъ. «Это васъ вылѣчитъ», сказалъ онъ. «Мы получили изъ Общаго Собранія Сената очень важное дѣло. Министръ долженъ подать свое мнѣніе. Дѣло поступило изъ Бессарабіи и должно быть рѣшено по дѣйствующему тамъ Областному Уставу. Это немножко пахнетъ Римскимъ правомъ. Я рекомендовалъ министру для этой работы васъ, но она должна быть

окончена въ два дня. Вотъ вамъ случай отличиться. По этому дѣлу идутъ сильные происки, и надобно все держать въ тайнѣ». Подобный случай не представляется два раза. Дѣло состояло въ спорѣ объ наслѣдствѣ и подходило подъ 116 новеллу Юстиніанова Кодекса, но было очень запутано. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе его не представляло затрудненій для юриста, ознакомившагося съ Римскимъ правомъ въ Дерптскомъ университетѣ. Я изложилъ свое мнѣніе въ краткихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе исчерпалъ всю суть, и на слѣдующій день былъ позванъ къ министру. Онъ никогда не ѣздилъ въ Сенатъ, въ Государственный Совѣтъ рѣдко, у себя въ Министерствѣ мы его никогда не видывали. Невидимка былъ видимъ только для директора и вице-директора Веймарна. Онъ былъ слабаго здоровья, но работалъ неутомимо и самъ прочитывалъ каждую строку, что̀ много значитъ. Это доказывалось тѣмъ, что мы находили въ бумагахъ сдѣланныя его рукою поправки самыхъ ничтожныхъ описокъ. Ясность мысли его вошла въ пословицу; онъ былъ практическій геній. Дашковъ, для насъ существо высшаго разряда, сказалъ мнѣ коротко: «Работа хороша: лѣтъ черезъ десять вы оберъ-прокуроръ».

Дегай поступалъ со мной добросовѣстно. Онъ освободилъ меня отъ дежурства въ Департаментѣ, гдѣ по ночамъ приходилось спать на столѣ, и зачислилъ въ число дежурящихъ у министра, которые должны были находиться до полудня въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ. По его звонку надо было входить къ нему, а также принимать знатныхъ посѣтителей и докладывать о нихъ. Онъ звонилъ рѣдко, и знатныхъ посѣтителей было мало, потому что онъ ихъ не принималъ. Дѣлать, стало быть, было нечего, и можно было, запасшись книгою, спокойно предаваться этому пріятному развлеченію. Но однажды раздался такой трезвонъ, что у меня книга выпала изъ рукъ. Дашковъ былъ очень взволнованъ. «Тамъ, въ Общемъ Собраніи, они опять не соглашаются; я долженъ защищать свое мнѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, но потерялъ нить моихъ доказательствъ. Принесите мнѣ копію съ моего предложенія изъ отдѣленія». Но въ отдѣленіи не было копіи; они не догадались снять ее. Велико было отчаяніе чиновниковъ; они ходили какъ приговоренные къ смерти. Дашковъ былъ внѣ себя. «Такъ-то мнѣ служатъ, таковъ-то у насъ порядокъ!» кричалъ онъ и ударилъ чубукомъ, котораго никогда не выпускалъ изъ рукъ, по своей конторкѣ. Я скромно спросилъ, могу-ли сказать нѣсколько словъ. Онъ сдѣлалъ сердитый, но утвердительный знакъ рукой. Я началъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, но скоро ободрился. «Нѣсколько недѣль тому назадъ», сказалъ я, «былъ я дежурнымъ въ Департаментѣ для запечатанія и отправленія исходящихъ бумагъ. Ваши предложенія Общему Собранію я при этомъ всегда читалъ для собственнаго своего назиданія, а на тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, даже обратилъ особое вниманіе. Я думаю, что могу ваши доказательства воспроизвести почти дословно. Дашковъ (незабвенный человѣкъ, котораго мы всѣ, какъ говорится, обожали) остался очень доволенъ и сказалъ: «Я этого не забуду». Дегай прибавилъ: «Теперь ваша карьера обезпечена». Вышло однакожъ иначе. Сперанскій, герой дня, умеръ, и Государь назначилъ на его мѣсто во 2-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи (въ «Сводъ», какъ тогда выражались) Дашкова. Дашковъ привыкъ къ сотрудничеству Дегая и рѣшительнымъ условіемъ принятія этой должности поставилъ, чтобы при немъ остался Дегай. Условій Николай Павловичъ, какъ из-

вѣстно, не любилъ. Кромѣ того существовало еще затрудненіе, что живъ былъ Балугьянскій, правая рука Сперанскаго, въ должности директора Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. И все-таки Государь согласился. Именнымъ указомъ Дегай былъ произведенъ въ статсъ-секретари и возведенъ въ должность директора Отдѣленія; въ тоже время были переведены туда два ничтожества, именно я и еще писецъ Дегая, который одинъ только могъ безошибочно переписывать его рунообразныя рукописи. Затѣмъ, казалось-бы, служба моя должна была подвигаться впередъ на парахъ; но Дашковъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъ маразма, потому что не дѣлалъ никакого движенія и слишкомъ много работалъ. Мѣсто его заступилъ Блудовъ, онъ не былъ расположенъ къ Дегаю и въ теченіе 12-ти лѣтъ не далъ намъ написать ни строчки. Насъ какъ-будто не существовало на свѣтѣ; мы были, по меньшей мѣрѣ, пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Когда умеръ Дегай, то и я, такъ сказать, былъ погребенъ вмѣстѣ съ нимъ. Меня отослали въ министерство, откуда я прибылъ, и министръ юстиціи, графъ Панинъ, сунулъ меня въ Главный Архивъ Сената. Тамъ лежалъ я между мертвыми, представляя изъ себя архивную опись. Много лѣтъ спустя, я перемѣстился съ погребальной колесницы въ болѣе веселый экипажъ, но и на немъ далеко не уѣхалъ. «До Полтавы доѣдишь, до Кіева не доѣдишь», говоритъ кучеръ въ «Тарантасѣ» графа Сологуба.

И такъ, косвеннымъ образомъ я обязанъ князю Одоевскому, что поступилъ на службу. Его звали: Monmorancy russe (Русскій Монморанси) по древности его рода. Онъ былъ ученый музыкантъ и въ игрѣ превосходилъ меня значительно. Бахова музыка была ему какъ своя. На Фильдовъ ладъ игралъ онъ превосходно, прямо читая ноты...

III.

Директоръ Почтоваго Департамента, тайный совѣтникъ Константинъ Булгаковъ, жилъ въ бель-этажѣ почтоваго зданія. Это былъ настоящій типъ вельможи. Г-жа Булгакова, урожденная Варламъ, Молдаванка, умная и любезная свѣтская дама, чуждая всякой спѣси, часто говаривала: «Не понимаю, за что моего мужа заставляютъ увязывать почтовые пакеты (ficeler des paquets)». Впрочемъ Государь имѣлъ въ виду назначить Булгакова посланникомъ въ Вѣну на мѣсто Татищева (какъ я узналъ гораздо позднѣе, но изъ вѣрнаго источника). Должность Булгакова доставляла ему ежегоднаго дохода 100.000 рубл. асс., источникомъ котораго была подписка на иностранныя газеты. До самой смерти Булгакова, помѣшавшей ему вступить на предназначаемое ему высокое дипломатическое поприще, этотъ доходъ принадлежалъ директорамъ почтъ, а потомъ перешелъ къ правительству. Булгаковъ принималъ по Понедѣльникамъ и Четвергамъ послѣ театра. Когда меня ввелъ туда Григорій Волконскій, я прежде всего былъ пораженъ блестящимъ освѣщеніемъ; горѣли карселевыя лампы на изящныхъ подставкахъ. Въ первой комнатѣ, избраннѣйшее общество играло на бильярдѣ, во второй въ карты, въ третей г-жа Булгакова наилюбезнѣйшимъ образомъ занимала гостей, разумѣется, предварительно ей представленныхъ. Главными гостями дома были: графъ Нессельроде, графъ Киселевъ, Левашовъ, Михаилъ Вьельгорскій, Воронцовъ-Дашковъ, Литта. Здѣсь можно было встрѣтить также Дмитрія Львовича Нарышкина, оберъ-егермей-

стера, въ короткихъ панталонахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными волосами, съ Андреевской алмазной звѣздой на черномъ фракѣ—живая картина придворнаго человѣка стараго времени! Племянникъ его Кирила Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, былъ, напротивъ того, представителемъ новаго двора.

Нессельроде отличался малымъ ростомъ, но великимъ умомъ. Черты лица его были тонки, носъ съ замѣтнымъ горбомъ, сквозь очки сверкали удивительные глаза. Не будучи ни гордъ, ни слишкомъ простъ въ обращеніи, онъ вообще избѣгалъ всякихъ крайностей. Онъ мало говорилъ, но когда говорилъ, то всегда что-нибудь скажетъ своимъ сдержаннымъ, хриплымъ голосомъ, звукъ котораго нельзя было забыть. Движенія его были быстры и привлекательны. Если онъ переходилъ въ другую комнату, то походка его едва была слышна; неожиданно онъ оказывался уже тамъ и, казалось, скорѣе скользилъ по полу, чѣмъ ходилъ. Его манеры были скорѣе Нѣмецкія, чѣмъ Французскія. Пофранцузски онъ говорилъ безъ афектаціи и безъ особаго ударенія, какъ вообще говорятъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ. О политикѣ онъ поставлялъ себѣ за правило не заикаться. Не будучи знатокомъ въ музыкѣ, онъ ее любилъ. Такъ однажды у графа Вьельгорскаго, своего короткаго друга, послѣ блистательнаго исполненія симфоніи C-moll Бетховена, онъ, вскочивъ со стула, восторженно вскричалъ: «Этотъ финалъ—настоящее «Боже царя храни!» Квартира канцлера въ зданіи Главнаго Штаба была настоящій дипломатическій городокъ, въ которомъ онъ давалъ большіе и малые дипломатическіе обѣды. Иногда давались маленькіе музыкальные вечера, на которыхъ его племянница, прекрасная графиня Марія Нессельроде (впослѣдствіи Калержи, потомъ супруга Варшавскаго Муханова) играла на рояли какъ настоящая виртуозка. Я слишкомъ 20 лѣтъ встрѣчался съ Нессельроде у Вьельгорскаго и наблюдалъ за нимъ съ возрастающимъ интересомъ. Гдѣ-бы онъ ни появлялся, всюду его встрѣчали съ сочувствіемъ и уваженіемъ. Въ немногочисленномъ обществѣ онъ всегда носилъ темный фракъ, съ портретомъ Государя, украшеннымъ алмазами, въ петлицѣ: это высшая награда послѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Нессельроде имѣлъ прекрасный крупный почеркъ. Онъ былъ, конечно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дальновидныхъ государственныхъ людей Европы. Онъ былъ противъ политики, которая повлекла за собою Крымскую войну. По окончаніи ея онъ подалъ въ отставку, купилъ себѣ домъ на Литейной и жилъ въ немъ въ полномъ одиночествѣ до самой смерти, послѣдовавшей нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ по своей прекрасной наружности былъ самымъ блестящимъ придворнымъ кавалеромъ того времени. Его называли вѣчнымъ имянинникомъ вслѣдствіе всегдашняго веселаго выраженія его открытаго, привлекательнаго лица. Онъ былъ богатый вельможа и, женившись на Александрѣ Нарышкиной, дочери оберъ-гофмаршала, сталъ жить на очень большую ногу. Онъ имѣлъ внѣшность дипломата и сохранялъ таковую даже играя на бильярдѣ. Онъ былъ посланникомъ въ Туринѣ и участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ. За экземпляръ моей книги: «Beethoven et ses trois styls» [18]) онъ прислалъ мнѣ 500 рубл. асс. при любезной записочкѣ, намекавшей

[18]) «Бетховенъ и его три стиля».

на наши бильярдныя партіи у Булгакова. Здѣсь я считаю нужнымъ сообщить одну черту его безпримѣрной деликатности. Лѣтомъ 1834 г. я пріѣхалъ въ городъ на почтовыхъ лошадяхъ и, проѣзжая въ 2 часа ночи мимо ресторація Леграна (впослѣдствіи Дюсо), ощутилъ звѣрскій аппетитъ. Видя въ окнахъ свѣтъ, я взошелъ и заказалъ себѣ что-то. Нѣкій господинъ, въ одиночку забавлявшійся на бильярдѣ, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ, не сыграю-ли я партію, пока мнѣ готовятъ кушанье. «Почему нѣтъ!» отвѣчалъ я, не зная, что господинъ этотъ игрокъ по ремеслу, игрокъ, стало-быть, самаго худшаго разряда. Сначала онъ маскировалъ свою игру, дѣлалъ грубѣйшія ошибки, но въ концѣ концовъ всегда выигрывалъ. Я проигрывалъ партію за партіей и въ заключеніе вечера остался ему долженъ 200 р. «Завтра я пришлю сюда деньги на имя Леграна», сказалъ я.—«Хорошо», отвѣчалъ онъ, «меня зовутъ Долгушевъ». На другой день я послалъ къ Леграну своего слугу, который принесъ мнѣ подписанную квитанцію и мои деньги обратно. Деньги, по увѣренію Леграна, были уже заплачены и притомъ человѣкомъ, выдававшимъ себя за моего слугу. Я разсказалъ о происшествіи графу Вьельгорскому, который отвѣчалъ: «Не я это сдѣлалъ, да и не могу придумать, кто-бы это могъ быть. Я подумаю». Прошелъ годъ. Однажды Воронцовъ пришелъ къ своему другу, котораго онъ звалъ просто по имени Мишель; я, по обыкновенію, тоже былъ тутъ. «Слушай, Воронцовъ», сказалъ графъ, «я подозрѣваю, что ты это сдѣлалъ». — «Очень просто», отвѣчалъ онъ; «я находился въ сосѣдней комнатѣ, узналъ его по голосу и подумалъ, что онъ, вѣроятно, не при деньгахъ. Что его обманули, это не подлежало сомнѣнію; я оставался до конца игры и потомъ обдѣлалъ все дѣло. Еслибъ онъ пошелъ далѣе, то я вышелъ-бы и запретилъ-бы ему играть».

Въ наше время едва-ли найдется человѣкъ, который захотѣлъ-бы разыграть такимъ образомъ роль судьбы.

Графу Литтѣ было около 70-ти лѣтъ, но въ парикѣ онъ казался не старше 50-ти. Онъ былъ исполинскаго роста и также толстъ, какъ Лаблашъ, но болѣе подвиженъ и съ ногъ до головы вельможа. Онъ носилъ обыкновенно вицмундиръ съ самыми старшими Русскими орденами. Въ день рожденія Булгакова онъ явился въ большой Владимірской лентѣ на бѣломъ жилетѣ, что для меня было очень внушительно: я былъ вѣдь маленькій чиновникъ, видавшій въ департаментѣ только ленточки. Литта имѣлъ обыкновеніе повторять каждое свое слово: bon jour, bon jour, oui, oui, и т. д. голосомъ, звукъ котораго походилъ на звукъ органа, когда прижмешь педаль. Онъ достигъ высшихъ должностей, благодаря только долголѣтней службѣ. Онъ былъ расположенъ ко мнѣ и, встрѣчаясь со мной на дачѣ Булгакова, всегда предлагалъ довезти меня до города. Онъ обыкновенно молчалъ во все время пути. Около 4-хъ часовъ утра намъ почти всегда приходилось проѣзжать по Троицкому мосту. Кому неизвѣстенъ величественный видъ, который представляется съ этого мѣста въ свѣтлую лѣтнюю ночь! Однажды я увлекся красотою зрѣлища и заговорилъ съ восторгомъ. Très-vrai, très-vrai [19]), отвѣчалъ Литта своимъ звучнымъ басомъ. Онъ былъ ревностный посѣтитель театровъ, и надо было видѣть, какъ онъ апплодировалъ и вызывалъ актеровъ. Тутъ онъ былъ снисходителенъ. Стоило только сказать съ нѣкоторою вырази-

[19]) Правда, правда.

тельностію: «вотъ эту, хорошенькую-то надобно-бы вызвать», онъ непремѣнно отвѣчалъ: très-bien, très-bien [20]), и она была вызываема. Въ послѣднее время онъ былъ оберъ-камергеромъ и порусски назывался Юліемъ Помпеевичемъ, соединяя такимъ образомъ въ одномъ своемъ лицѣ Цезаря и Помпея. Онъ былъ вдовецъ и жилъ одинъ, но роскошно, въ домѣ своемъ на Англійской набережной.

Странное явленіе среди этого общества представлялъ Норовъ (Абрамъ Сергѣевичъ). Онъ издалъ «Путешествіе по Сициліи», за которое Смирдинъ заплатилъ ему большія деньги. За проэктируемое путешествіе въ Палестину и Египетъ онъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, заставилъ Смирдина заплатить себѣ впередъ и съ этими деньгами, да съ выручкой отъ продажи своей библіотеки, отправился въ путь. «Завтра отправляюсь я въ Тріестъ и въ Александрію», сказалъ онъ мнѣ. «Вы не можете себѣ представить, какъ пріятно мнѣ, что я сегодня выигралъ у васъ на биліардѣ 200 р.; это такъ кстати, знаете, когда отправляешься въ путь». Путешествіе его появилось дѣйствительно въ свѣтъ. Археологическая часть его, какъ и въ первомъ сочиненіи, была ничто иное, какъ компиляція, и я самъ доставлялъ ему для этого Англійскія сочиненія изъ библіотеки Вьельгорскаго. По возвращеніи своемъ Норовъ служилъ въ Коммиссіи Прошеній подъ начальствомъ Лонгинова и, ко всеобщему изумленію, былъ скоро назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Годы проходили своей однообразной чередой. Въ иностранномъ цензурномъ комитетѣ открывалась ваканція. Комитетъ этотъ принадлежалъ тогда къ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Мои друзья пристали къ Норову, чтобы онъ замолвилъ словечко за меня. Дѣло было облажено, въ высшемъ утвержденіи нельзя было сомнѣваться. Сижу я однажды вечеромъ за чаемъ у графа Сумарокова, моего короткаго пріятеля по музыкальной части. Сумароковъ командовалъ гвардіей и былъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ онъ имѣлъ сношенія съ Норовымъ и кромѣ того состоялъ съ нимъ въ родствѣ. Вдругъ является Норовъ и говоритъ мнѣ: «Ахъ, mon cher! Ваше представленіе лежало у меня на столѣ, совсѣмъ готовое, черезъ два дня все должно было кончиться, и вдругъ письмо отъ ***, рекомендующее Тютчева.... Вы понимаете (vous comprenez)».... «Да, мы понимаемъ», прерываетъ графъ Сумароковъ, «мы понимаемъ».

Такъ близко отъ гавани, отъ надёжной анкерной стоянки — и вдругъ опять въ море неизвѣстности! Эта обманутая надежда имѣла на меня самое тяжелое дѣйствіе.

И странное дѣло! Когда я работалъ съ Норовымъ въ библіотекѣ Вьельгорскаго, онъ написалъ въ моей памятной книжкѣ:

Tu proverai come duro cale
So pane altrui, il subir e scender
Per altrui scale [21]).
Данте.

Это отлично примѣнялось ко мнѣ, въ особенности будучи написано еще его рукою.

---

[20]) Очень хорошо, очень хорошо.

[21]) Ты испытаешь, каково ѣсть чужой хлѣбъ и обивать чужіе пороги.

IV.

Графъ Вьельгорскій былъ такъ любимъ членами общества биліардной игры, что лишь только онъ появлялся, его сейчасъ же окружали. Это случалось обыкновенно ночью послѣ часу, такъ какъ онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Государыни. Въ вицъ-мундирѣ и бѣломъ галстукѣ (какъ того требовалъ придворный этикетъ) онъ былъ отмѣнно моложавъ; я и теперь, 44 года спустя, не могу понять, какъ это онъ въ то время былъ только камергеромъ и имѣлъ всего одну Анненскую звѣзду. Но какъ шла къ нему звѣзда! Если Нессельроде еще не уходилъ, то онъ отводилъ его въ сторону, вѣроятно, чтобъ передать ему что̀ говорилось при дворѣ. Если онъ приходилъ до начала биліардной пульки, то шелъ въ третью комнату къ фортепьяно и спрашивалъ Булгакова: «Есть что новаго?» (Булгаковъ по своей должности почтдиректора раньше всѣхъ получалъ всякую музыкальную новость, всякій оперный отрывокъ, вышедшій въ Парижѣ или Германіи). Булгаковъ бралъ меня тогда подъ руку и сажалъ за Тишнеровское фортепьяно. «Ну, начинайте же! Прямо безъ приготовленій!» говаривалъ въ такихъ случаяхъ Вьельгорскій. Онъ подпѣвалъ, не имѣя голоса, конечно, но съ необыкновеннымъ вкусомъ. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го онъ впалъ въ немилость и удалился на жительство въ свое Курское имѣніе, гдѣ сосѣдомъ его былъ князь Барятинскій, отецъ нынѣшняго фельдмаршала. Тамъ они имѣли (какъ Вьельгорскій часто мнѣ разсказывалъ) залу для кегельной игры, освѣщавшуюся Аргентовскими лампами, и превосходный оркестръ подъ управленіемъ капельмейстера-Нѣмца. Тамъ онъ вникъ въ самую сущность симфоній и нерѣдко самъ управлялъ оркестромъ. Императоръ Николай вызвалъ его къ своей коронаціи въ Москву и оказывалъ ему особое расположеніе. Графъ былъ un foudre de guerre—отчаянная голова. Ставка бильярдной пульки состояла изъ полуимперіала. Графъ носилъ золотыя монеты въ бумажномъ сверткѣ, потому что терпѣть не могъ кошелька. Онъ игралъ лучше всѣхъ и съ юношескимъ жаромъ. Въ молодости случилось ему провести съ отцомъ и братьями два года въ Ригѣ. Собственно они хотѣли ѣхать за границу, но ихъ задержала война. Они посѣщали въ Ригѣ домъ Блаугерда, этотъ Капитолій квартета съ знаменитымъ Фейге въ качествѣ первой скрипки. Лѣто жили они въ Вейдендамѣ. Графъ любилъ вспоминать объ этомъ времени и въ теченіи цѣлой зимы называлъ меня постоянно «Зоммеромъ» [22]). Напрасно Булгаковъ замѣчалъ ему, что моя фамилія совсѣмъ другая. «Онъ пьянистъ, юристъ и Рижскій уроженецъ», говорилъ графъ: «въ Ригѣ я провелъ прекрасное лѣто и по воспоминію называю его такъ. Я былъ хорошо знакомъ съ его семействомъ, танцовалъ со всѣми его теперешними тетушками, а потому и хочу называть его покуда Зоммеромъ». Такова была его манера; онъ всегда былъ немножко школьникъ, но съ какими благородными пріемами!

Бильярдные игроки, съ Булгаковымъ во главѣ, были: графъ Завадовскій (впослѣдствіи сенаторъ), полковникъ Маничаровъ [23]), гене-

---

[22]) «Лѣтомъ».

[23]) Вѣроятно о немъ упоминается въ Р. Архивѣ 1876, II, 65 и 429. П. Б.

ралъ Хомутовъ, командиръ лейбъ-гусарскаго полка, человѣкъ, для котораго тоже не существовало старости, фонъ-Гроте, впослѣдствіи ландратъ города Риги, одинъ изъ пріятнѣйшихъ и наиболѣе искусныхъ бильярдныхъ игроковъ; баронъ Ренне изъ Курляндіи, баронъ Икскюль, супруга котораго, Молдаванка, была другомъ г-жи Булгаковой, графъ Александръ Менгденъ изъ Лифляндіи, почтовые чиновники Рубецъ и Пфеллеръ, Путята, впослѣдствіи начальникъ кадетскихъ корпусовъ. Въ качествѣ зрителей присоединялись къ нимъ помощникъ почтдиректора Прянишниковъ, по смерти Булгакова заступившій его мѣсто, иногда молодой Вестманъ (почтовый цензоръ) и Цирлейнъ, начальникъ почтовой цензуры, находившейся по дѣламъ политическимъ въ связи съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Бисмаркъ, въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, посѣтилъ Вестмана, но засталъ дома одну только его жену, такъ какъ самъ Вестманъ съ 10 до 6 часовъ просиживалъ въ Министерствѣ. «Къ своему старому товарищу не полѣнюсь зайти и въ другой разъ», сказалъ Бисмаркъ супругѣ Вестмана. Я находился тутъ же и самъ это слышалъ. Для меня было полезно знакомство съ Вестманомъ. Мы были друзья. Онъ заказывалъ мнѣ статьи для газеты «Le Nord», которую онъ собственно и основалъ.

У Булгакова играли не въ очень большую и не въ слишкомъ малую игру, по три партіи, изъ которыхъ только первая была въ 10 рубл. Графъ Завадовскій и фонъ-Гроте были матадорами; Булгаковъ и Вьельгорскій одни могли состязаться съ ними. Маничаровъ былъ другъ дома. Онъ, въ качествѣ инженера путей сообщенія, долго стоялъ въ Ригѣ и любилъ ее и ея обывателей. Я его часто встрѣчалъ въ молодости моей; бывало, иду въ гимназію, а онъ въ это время выходитъ изъ цитадели. Онъ былъ очень старъ и носилъ прозвище «вѣчнаго полковника», потому что ему не везло по чинопроизводству. Бываетъ такое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Въ концѣ концовъ, однакожъ, онъ все-таки умеръ генералъ-маіоромъ. Онъ былъ изъ лучшихъ игроковъ, но никогда не выигрывалъ. Булгаковъ не дѣлалъ никакого различія между своими гостями. Только когда являлся министръ двора, князь Волконскій, то онъ встрѣчалъ и провожалъ его съ нѣкоторою торжественностію. Странно было, что не показывался никогда министръ почтъ князь А. Н. Голицынъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ при царскомъ дворѣ, но въ послѣдніе годы жизни онъ вдался въ мистицизмъ и избѣгалъ общества. Знаменитый портретъ его въ натуральную величину, писанный Брюловымъ и теперь находящійся въ Академіи, увѣковѣчиваетъ его. Онъ изображенъ сидящимъ въ креслахъ въ синевато-сѣромъ сюртукѣ, въ орденахъ. Вотъ прекрасная черта его характера. Онъ имѣлъ обыкновеніе рано утромъ выходить на прогулку въ своемъ сѣромъ плащѣ. На дворцовой набережной онъ замѣтилъ какого-то человѣка, который нѣсколько разъ сходилъ по лѣстницѣ къ Невѣ и наконецъ остановился на послѣдней ступенькѣ. Князь обратился къ нему съ вопросомъ что онъ тутъ дѣлаетъ. Когда онъ услышалъ, что человѣкъ этотъ изъ крайней бѣдности думалъ утопиться, онъ принялъ въ немъ участіе и помѣстилъ у себя въ домѣ. Не всякій мистикъ поступаетъ такъ!

Я долженъ упомянуть здѣсь о замѣчательномъ вечерѣ у князя Голицына, женатаго на графинѣ Аделаидѣ Строгановой. Я былъ приглашенъ чрезъ Булгакова. Вечеръ былъ замѣчателенъ, собствен-

но великолѣпіемъ помѣщенія (въ домѣ Строгонова, у Полицейскаго моста). Общество собралось небольшое, но ужинъ въ громадной, двухъ-этажной залѣ, плафонъ которой украшала исполинскихъ размѣровъ картина, писанная Итальянскимъ мастеромъ, былъ великолѣпенъ. Ужинали на ломберныхъ столахъ по четыре человѣка. Я сидѣлъ за однимъ столомъ съ Вьельгорскимъ, Булгаковымъ и Голицынымъ. Графъ вдругъ сказалъ: «Въ этой залѣ слѣдовало бы играть послѣдній актъ Донъ-Жуана!» Дѣйствительно, зала, благодаря темной плафонной живописи погруженная въ полумракъ, который казался еще гуще отъ мерцанія восковыхъ свѣчъ, производила впечатлѣніе чего-то трагическаго. Этого вечера я никогда не забуду. Вьельгорскій выказалъ чрезвычайныя техническія познанія, разсуждая о Моцартѣ, объ этой «bible musicale [24]), какъ его другъ Россини называлъ Донъ-Жуана.

Лѣтомъ у Булгакова въ тѣже дни собиралось тоже общество на принадлежавшей ему большой дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, противъ Каменнаго острова. Въ день его рожденія танцовали, и онъ самъ подавалъ тому примѣръ вальсомъ. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ графиню Завадовскую (урожденную Влодекъ), которая слыла за первую красавицу при дворѣ, и дѣйствительно, она представляла собою роскошную фигуру Юноны. Надо было видѣть ее въ вальсѣ съ Булгаковымъ! Онъ былъ красивый мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, всегда въ темно-синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами и съ золотой звѣздой Бѣлаго Орла на груди. Графъ Завадовскій казался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, хотя и записался въ дэнди немножко поздно. Онъ пригласилъ меня навѣщать его по утрамъ; хозяйства онъ не держалъ. Мой графъ (Вьельгорскій) сказалъ мнѣ: «Слушай, не ходи туда! Артистическая душа не можетъ спокойно созерцать такую прекрасную женщину; я испыталъ это на себѣ».

Булгаковъ умеръ отъ воспаленія, весною 1835 года [25]), къ общему сожалѣнію. Весь Петербургъ, можно сказать, провожалъ его останки изъ почтамтской церкви.

Интересно показалось мнѣ то, что̀ въ Петербургѣ продиктовалъ мнѣ его племянникъ Павелъ, относительно количества прислуги въ домѣ его отца. Это можетъ служить достовѣрнымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о тогдашнемъ образѣ жизни Русской знати. «Прежде, чѣмъ мой отецъ сдѣлался почтдиректоромъ» (въ Москвѣ), «мы имѣли двухъ офиціантовъ для присмотра за столомъ, одного буфетчика, двухъ лакеевъ для выѣзда, 4 комнатныхъ, главнаго повара, 2 поваренковъ, 2 кучеровъ, 2 форейторовъ, 2 конюховъ. При матушкѣ (урожд. княжнѣ Хованской) состояли: одна ключница, одна старшая и двѣ младшія дѣвушки, двѣ няньки, двѣ прачки, людская кухарка и казачокъ для прислуживанія за утреннимъ чаемъ; итого 26 душъ, на шесть человѣкъ господъ. Если же считать сверхштатныхъ и чернорабочихъ, то наберется свыше сорока».

Каждое 1-е Іюля весь Петербургъ устремлялся въ Петергофъ, большой садъ котораго очаровательно иллюминовали въ честь Императрицы, и весь дворъ длинной вереницей линеекъ совершалъ процессію среди этого моря огней. На одномъ изъ этихъ диванов на колесахъ

---

[24]) Музыкальная библія. [25]) К. Я. Булгаковъ (род. 31 Дек. 1782), скончался не весною, а 29 Октября 1835. Почтдиректоромъ былъ онъ въ Спб. съ 1819 г.

я увидѣлъ Пушкина, смотрѣвшаго угрюмо (1834). Онъ только-что получилъ званіе камеръ-юнкера. Кромѣ членовъ двора никто не имѣлъ права на мѣсто въ линейкахъ. Можетъ быть, ему не нравилось это.

Въ Петергофѣ показали мнѣ новый указъ о разрядахъ въ гражданской службѣ, по которому всякій имѣлъ право держать экзаменъ въ университетѣ, хотя-бы онъ въ немъ и не учился. Это имѣло для меня большое значеніе въ виду желанія моего поступить на службу. Я на другой же день вошелъ съ прошеніемъ о допущеніи меня къ экзамену къ ректору Дюгурову, но получилъ отказъ подъ предлогомъ, что для этого надобно уже состоять на службѣ. Правда, что указъ относительно этого пункта былъ неясенъ, но за то было очень ясно, что университетъ опасался лишиться студентовъ. Я вздумалъ явиться замаскированнымъ на первомъ маскерадѣ въ Энгельгардовой залѣ, чтобы заговорить съ министромъ народнаго просвѣщенія. Вся haute volée [26]) посѣщала эти маскарады; Дворянскаго Собранія тогда еще не существовало. Я слѣдилъ за Уваровымъ, пока не увидѣлъ его одного; тогда я подошелъ и заговорилъ пофранцузски. (Я слышалъ, что онъ это любилъ, но лично я съ нимъ не былъ знакомъ). Я произнесъ ему маленькую іереміаду. Онъ милостиво выслушалъ мои жалобы и сказалъ: «Я люблю Дерптскихъ студентовъ; приходите ко мнѣ завтра». Когда я явился, дежурный чиновникъ передалъ мнѣ готовое письмо на имя ректора. Такимъ образомъ дѣло было покончено. Правда, ректоръ сказалъ мнѣ наилюбезнѣйшимъ образомъ: «Вамъ не удастся выдержать экзаменъ»; но на это я отвѣчалъ ему, что мои обстоятельства заставляютъ меня все-таки попытаться. Профессоръ Римскаго права, Шнейдеръ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, когда мы сдѣлались «Римскими друзьями», сказалъ ректору: «Дайте этого господина мнѣ, онъ у меня провалится; я не люблю учениковъ Клоссіуса». Я явился на экзаменъ съ Эльзевировскимъ «Corpus juris» въ рукахъ. «Это къ чему?» рѣзко отнесся ко мнѣ Шнейдеръ; но, какъ серьезный ученый, болѣе филологъ, чѣмъ законовѣдъ Римскаго права, онъ не могъ удержаться, чтобъ не взять у меня книжки и не перелистовать. «Я знаю, чего вы ищете,» сказалъ я ему нѣсколько вызывающимъ тономъ, ибо мнѣ все равно предстояло провалиться. «Вы хотите убѣдиться, дѣйствительно-ли это изданіе принадлежитъ къ рѣдчайшимъ съ намѣренною опечаткою secundus pars, вмѣсто secunda [27])?»—«Гдѣ вы это достали?» спросилъ онъ почти любезно. «Въ нашемъ семействѣ, уже третье поколѣніе юристовъ», отвѣчалъ я; «мой дѣдъ сдѣлалъ эту находку въ Лейпцигѣ. Эльзевиръ можетъ въ настоящую минуту послужить вамъ къ тому, чтобы слѣдить по немъ, когда я буду приводить вамъ на память источники».—«Вотъ какъ! Ну такъ прочтите мнѣ на память 118 новеллу», сказалъ насмѣшливо профессоръ. Я исполнилъ это безъ запинокъ, какъ будто пѣсню спѣлъ. На 2-й главѣ онъ прервалъ меня и просилъ перейти къ послѣдней. Когда и это было исполнено, онъ сказалъ, обращаясь къ прочимъ экзаменаторамъ: «Экзаменъ выдержанъ. Какъ жаль, что наши студенты не находятъ времени на такое же изученіе источниковъ! Но мы съ вами еще немножко позабавимся, милостивый государь; я желалъ-бы видѣть....» Мы забавлялись цѣлыхъ четыре часа. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ вопросъ насчетъ внутренней системы Пандектовъ, которую открылъ Блуме въ Кенигсбергѣ: открытіе, стоющее откры-

[26]) Люди высшаго полета. [27]) Второй часть (вмѣсто вторая).

тія Америки. Я былъ въ ударѣ и прочелъ цѣлую лекцію. Экзаменаторъ только улыбался. Послѣдовали быстрые, какъ молнія, вопросы по различнымъ частностямъ и такіе же отвѣты на нихъ—настоящая перестрѣлка. Воротясь вечеромъ домой къ кузёну Бартоломею, я написалъ обо всемъ случившемся въ Дерптъ моему уважаемому учителю Клоссіусу. Онъ выразилъ мнѣ въ отвѣтъ свое удовольствіе и совѣтовалъ продолжать далѣе изученіе источниковъ. По другимъ предметамъ дѣло обошлось нехуже, и мнѣ дали дипломъ «дѣйствительнаго студента». Какое странное названіе!

Когда Дашковъ, къ которому я поступилъ чрезъ посредство Дегая, отослалъ мой дипломъ въ Сенатъ, то сей послѣдній уничтожилъ мой 12 классъ, дарованный мнѣ honoris causa [28]), и едва-ли безъ задней мысли. Еслибы я до экзамена состоялъ на службѣ, то (какъ объяснилъ мнѣ деканъ университета Бутырскій) получилъ-бы дипломъ кандидата и все было-бы въ должномъ порядкѣ. Сенатъ былъ правъ, отмѣняя мой чинъ: въ силу указа мой дипломъ давалъ мнѣ право на службу по первому разряду.

Годъ спустя, я былъ дѣйствителено опредѣленъ на службу. Я выдержалъ экзаменъ на кандидата, на слѣдующій годъ на магистра. Это было дѣло нелегкое: весь Сводъ Законовъ ополчился противъ меня. Господа профессоры-студенты (какъ ихъ называли въ Дерптѣ), изъ которыхъ Сперанскій, слѣдуя совершенно здравой идеѣ, намѣревался образовать разсадникъ профессоровъ, поступили въ университеты, и каждый занялъ каѳедру какого-нибудь спеціальнаго отдѣла Свода. Сколько отдѣловъ, столько экзаменовъ; а экзаменаторы не очень-то долюбливали Дерптскихъ студентовъ. Они были строги, но непридирчивы. На первый разъ я подвергся со стороны благодушнаго барона Врангеля (профессора Русскаго законодательства) не придиркамъ, но, по выраженію студентовъ, пыткѣ. По выдержаніи экзамена на магистра я долженъ былъ, въ квартирѣ декана Ивановскаго, въ высшей степени почтеннаго ученаго, отвѣчать на предложенные мнѣ вопросы полатыни (какая радость!), и притомъ на его глазахъ, за тѣмъ же столомъ, за которымъ и онъ работалъ. Я исписалъ нѣсколько листовъ; вопросы были предложены Шнейдеромъ на отличномъ Римскомъ языкѣ (мы у Клоссіуса привыкли дѣлать различіе между Римскимъ и Латинскимъ языками). Я разгорячился и едва могъ положить границы своей плодовитости. Вечеромъ, проѣзжая мимо модной ресторація Кулона (нынѣ гостинница Европа), я почувствовалъ страшный апетитъ. Зала была пуста и освѣщена только вполовину. Какая-то длинная фигура, казалось, спала у маленькаго круглаго столика. Въ восторгѣ отъ своего успѣха, я живо распорядился тремя холодными рябчиками, однимъ глоткомъ осушилъ бутылку шипучки и приказалъ подать еще рябчиковъ. Фигура поднялась, подошла къ моему столу и сказала на чистомъ Французскомъ языкѣ: «Позвольте мнѣ присѣсть къ вамъ; я въ жизнь мою не видалъ, чтобы такъ ѣли. Что, здѣсь всѣ такъ ѣдятъ? Я сегодня только изъ Парижа; мое имя Франсуа Сервэ». Я себя не назвалъ: я вѣдь былъ ничто, Сервэ же первый віолончелистъ въ Европѣ. На слѣдующее утро Сервэ приходитъ къ графамъ Вьельгорскимъ и разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ въ своей гостинницѣ господина, который изумительно пожиралъ рябчиковъ. «Мы знаемъ его», отвѣ-

[28]) Ради почета.

чали графы; онъ въ 10 ч. обѣдалъ и потомъ выдержалъ экзаменъ; онъ сейчасъ придетъ, онъ ходитъ къ намъ каждый день». Когда я пришелъ, Сервэ всталъ и произнесъ ко всеобщему смѣху: Premiére fourchette de l'Europe, je vous salue! [29]). Серве имѣлъ въ своемъ распоряженіи совершенно особый лексиконъ. Онъ говорилъ, напримѣръ: Mon nouveau morçeau soulève le peuple (моя новая пьэса бунтуетъ народъ), или: je vais incendier la ville par mon premier concert (я спалю городъ моимъ первымъ концертомъ). Это былъ Листъ віолончели. Король віолончели, Бернгардъ Ромбергъ говорилъ о немъ: «Вотъ такъ отвага!» Графы заявили, что они въ жизнь свою не слыхивали такого тона, не знали такого смычка. Успѣхъ Сервэ былъ баснословенъ. Графъ сейчасъ же представилъ его Императрицѣ и подарилъ ему для перваго концерта инструментъ, лучшій въ цѣломъ мірѣ. Онъ вѣдь всегда былъ до нельзя щедръ. «Какъ понравился вамъ инструментъ?» спросилъ я Сервэ. — Je suis tombé en arrêt [30]). Это говорится о лягавой собакѣ, когда она, дѣлая стойку надъ дичью, какъ-бы замираетъ въ своей неподвижности.

V.

Лѣтомъ 1834 г. графы Вьельгорскіе наняли на островахъ Кочубееву дачу. (Въ слѣдующіе за тѣмъ годы они постоянно жили при дворѣ: весной въ Царскомъ Селѣ, лѣтомъ въ Петергофѣ, осенью въ Гатчинѣ). Балконъ дачи выходилъ на усаженное березами шоссе, которое вело отъ Каменно-островскаго моста вдоль рѣки къ Елагину. Здѣсь я увидѣлъ картину, выступавшую изъ предѣловъ дѣйствительности и возможную развѣ въ Оберонѣ Виланда. Блудовъ доставилъ намъ оранжированный для фортепьяно отрывокъ изъ оперы «Гугеноты», тогда еще неизвѣстной. Графы созвали комитетъ изъ своихъ музыкальныхъ друзей, чтобъ познакомить ихъ съ этой оперой. Пришелъ и Нессельроде и былъ такъ оживленъ и молодъ, что даже участвовалъ въ хорахъ. Маленькое общество было очень весело; въ средѣ его господствовала совершенная простота. Нессельроде, однакожъ, не остался обѣдать. «Мнѣ надо отправить курьера», сказалъ онъ и исчезъ въ своемъ легкомъ лѣтнемъ пальто и лѣтней Циммермановской шляпѣ, на великолѣпную дачу свою, находившуюся недалеко. Послѣ обѣда доложили, что двѣ дамы, пріѣхавшія верхами, желаютъ поговорить съ графами. «Знаю», весело сказалъ Вьельгорскій; «онѣ мнѣ обѣщали заѣхать» и взялъ меня съ собою на балконъ. На высокомъ конѣ, который не могъ стоять на мѣстѣ и нетерпѣливо рылъ копытомъ землю, граціозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; съ нею были ея сестра и Дантесъ. Графъ сталъ усердно приглашать ихъ войти. «Некогда!» былъ отвѣтъ. Прекрасная женщина хлыстнула по лошади, и маленькая кавалькада галопомъ скрылась за березами аллеи. Это было словно какое-то идеальное видѣніе! Тою же аллеей, зимою 1837 года, Пушкину суждено было отправляться на дуэль съ Дантесомъ.

Поприще Дантеса было блистательно и кратковременно. Онъ и нѣкій маркизъ [31]), оба отставные офицеры Французской службы, при-

---

[29]) «Первая вилка въ Европѣ, привѣтствую васъ!» [30]) «Я сдѣлалъ передъ нимъ стойку». [31]) Даршіакъ, впослѣдствіи секундантъ Дантеса. П. Б.

были въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ и покровительства. Они были знакомы съ однимъ только батальнымъ живописцемъ Ладюрнеромъ, и это знакомство пріобрѣли въ гостинницѣ за общимъ столомъ, чему я самъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ. Тогда Дантесъ велъ еще себя скромно. Ладюрнеръ былъ прекрасный, откровенный и простой, но нѣсколько суровый человѣкъ. Въ то время еще строился Исакіевскій соборъ подъ руководствомъ архитектора Монферрана. Государь приказалъ построить Ладюрнеру, внутри деревянной изгороди, окружавшей соборъ, маленькій домикъ, одна стѣна котораго была вся стеклянная. Тамъ работалъ Ладюрнеръ, и тамъ нерѣдко посѣщалъ его Государь, сидѣлъ съ нимъ, разсматривалъ его работы, заказывалъ ему новыя картины военнаго содержанія, парады, маневры съ портретными фигурами и т. п., и тутъ-то встрѣтилъ онъ однажды Дантеса съ его товарищемъ [23]). Оба вышли въ отставку, потому что не хотѣли служить Людовику Филину, и это обстоятельство, благодаря тогдашнимъ натянутымъ отношеніямъ къ Франціи, послужило въ пользу обоимъ молодымъ людямъ. Дантесъ былъ красивый молодой человѣкъ, маркизъ маленькаго роста и съ незначительнымъ лицомъ. Государь предложилъ имъ вступить въ Русскую службу. Дантесъ поступилъ на счетъ Императора въ Кавалергардскій полкъ—очень важный шагъ впередъ; маркизъ въ армейскій полкъ, стоявшій въ Ямбургѣ. Вскорѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Голандскій посланникъ, баронъ Гекеренъ, усыновилъ Дантеса и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Дантесъ возымѣлъ великій успѣхъ въ обществѣ; дамы вырывали его одна у другой. Въ домѣ Пушкина онъ очутился своимъ человѣкомъ. Гекеренъ былъ человѣкъ злаго нрава; онъ писалъ оскорбительныя, анонимныя письма Пушкину и въ копіяхъ распространялъ ихъ между публикой. Пушкинъ счелъ себя обязаннымъ вызвать Дантеса на дуэль и, какъ извѣстно, былъ имъ убитъ.

Пушкинъ умеръ въ домѣ княгини Волконской, супруги министра двора, находившемся у Конюшеннаго моста. Весь городъ какъ будто одѣлся въ трауръ: перестали посѣщать театры; густыя, безмолвныя толпы простонародья благоговѣйно вступали въ печальный домъ, гдѣ лежало тѣло Пушкина. Величіе смерти отражалось въ умныхъ чертахъ благороднаго поэта. Похороны его были чѣмъ-то въ родѣ народнаго событія. Невскій проспектъ вплоть до Аничкова моста былъ биткомъ набитъ публикой, состоявшей изъ всѣхъ классовъ общества, такъ что едва оставалось мѣсто для проѣзда погребальныхъ дрогъ и безчисленныхъ каретъ, сопровождавшихъ печальный поѣздъ.

Зимою 1834 г. я узналъ, что въ Петербургѣ можно быть министромъ и все-таки не существовать на свѣтѣ. На Большой Морской жилъ министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, принимавшій у себя по Воскресеньямъ. Старый морякъ зналъ только своихъ карточныхъ партнеровъ; жена же его разыгрывала роль любез-

---

[32]) Разсказываютъ, что, зайдя къ Ладюрнеру, Государь увидалъ у него множество карикатурныхъ рисунковъ, изображавшихъ Людовика Филипа. Государь забавлялся ихъ разсматриваніемъ и узналъ отъ Ладюрнера, что они дѣло рукъ нѣкоего молодаго человѣка, пострадавшаго за свою приверженность къ герцогинѣ Беррійской, т. е. Дантеса: онъ сопровождалъ ее за Пиринеи. Государь приказалъ представить Дантеса себѣ, и судьба его обезпечилась.

ной хозяйки. Гости не обращали вниманія на хозяина и только въ первый разъ были ему представляемы. Это была словно голубятня: туда влетали и оттуда вылетали, не зная зачѣмъ. Общество состояло по преимуществу изъ знатныхъ Поляковъ, составъ которыхъ часто мѣнялся. Бывали танцы подъ звуки фортепьяно. Нѣкто Скипоръ, потомокъ древней Польской фамиліи, представлялъ собою типъ механическаго, въ потѣ лица трудящагося танцора. Я какъ теперь вижу вытаращенные глаза Польской княгини, всегда висѣвшей на его рукѣ. Ихъ можно было встрѣтить на всѣхъ публичныхъ балахъ. Длинная фигура Скипора, окруженная его земляками, неизмѣнно торчала на Невскомъ проспектѣ въ часы прогулокъ. Проспектъ въ то время сохранялъ еще свою двойную аллею тщательно подстриженныхъ средней величины липъ, шедшую до самаго Аничкова моста. Она имѣла красивый видъ и осенью, когда спадала листва, представляла прогулку, располагавшую къ мечтательности.

Мѣсто Шишкова заступилъ Уваровъ, и насталъ день послѣ Киммерійской ночи.

VI.

Любопытное лицо былъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, жившій въ собственномъ домѣ на Малой Морской и не пускавшій къ себѣ никакихъ жильцовъ. Всю зиму на пролетъ у него собиралось по Вторникамъ высшее общество на танцовальные вечера, при чемъ имѣлся маленькій бальный оркестръ. Салтыковъ принадлежалъ къ древнему боярскому роду; жена его была урожденная тоже Салтыкова. Есть также графы, носящіе эту фамилію; но не имѣвшій титула Салтыковъ былъ старшій въ родѣ. Свои Вторники онъ называлъ «Les Mardis européens». Онъ былъ страшный болтунъ, но образованъ и полонъ познаній. Его значительная библіотека заключала въ себѣ величайшія рѣдкости, наприм. Записки ювелировъ братьевъ Бемовъ по поводу ожерелья королевы Маріи Антуанеты, съ раскрашеннымъ рисункомъ ожерелья въ его натуральной величинѣ, съ описаніемъ всѣхъ его большихъ, пріобрѣтшихъ историческую извѣстность алмазовъ. Салтыковъ не позволялъ никому читать даже на переплетахъ заглавіе его книгъ. Если называли при немъ какую нибудь книгу, онъ самъ выносилъ ее и говорилъ: «У меня все есть». Онъ имѣлъ наружность придворнаго, ростъ нѣсколько меньше средняго и широкія плеча. Онъ опускалъ свою выразительную голову такъ низко, что казался горбатымъ, чего однакожъ вовсе не было. Въ этомъ положеніи онъ какъ будто искалъ чего-то на полу. Такіе оригиналы, какъ онъ, въ настоящее время невозможны. Онъ пресерьезно разсказывалъ исторіи, въ которыя самъ не вѣрилъ, и сочинилъ для собственнаго своего обихода Русскую исторію, ссылаясь на которую разсуждалъ объ историческихъ фактахъ такъ, что слушатель недоумѣвалъ, ужели это онъ находится въ знатномъ домѣ, въ собесѣдничествѣ съ умнымъ человѣкомъ, а не съ сумасшедшимъ. Графъ Венкендорфъ, нанимавшій квартиру близъ Салтыкова (какъ мнѣ неоднократно разсказывалъ сей послѣдній, имѣвшій обыкновеніе повторять себя), сказалъ будто бы ему разъ: «Покуда я живу возлѣ васъ, вы можете быть покойны». Показаться на улицѣ раньше 3 часовъ пополудни Салтыковъ считалъ ниже своего достоинства. Ровно въ 4 часа онъ ежедневно являлся въ книжный магазинъ Белизара (теперь Дюфура), что̀ у Полицейскаго мо̀ста и, не снимая

шляпы, осматривалъ всѣ книги, хотя онѣ за одинъ день и не могли перемѣниться; въ теченіе двухъ часовъ, стоя, перелистывалъ онъ ихъ, никому не кланялся, лишь слегка кивнетъ головой на поклонъ знакомаго или протянетъ одинъ пальцъ, если знакомый принадлежалъ къ высшему обществу. Затѣмъ онъ отбиралъ себѣ цѣлую груду книгъ и тутъ же платилъ за нихъ наличными. Ровно въ 6 часовъ онъ возвращался пѣшкомъ домой, пробѣгалъ мелкими, звонкими шагами по первой комнатѣ, въ которой былъ уже накрытъ столъ, и входилъ еще со шляпой на головѣ, въ каминную, смежную съ библіотекой. Во второй комнатѣ, очень уютной, съ постоянно-горѣвшимъ мраморнымъ прекраснымъ каминомъ, проводили дообѣденное время его жена, дочери, сыновья и гости. Немногіе приходили безъ приглашенія, боясь злаго хозяйскаго языка и его историческихъ откровеній, а приглашать Салтыковъ не имѣлъ обыкновенія. У перваго окна въ каминной стоялъ, собственно для него одного, столикъ съ микроскопическими сандвичами и цѣлой батареей водокъ на тяжеломъ серебряномъ подносѣ. Онъ выпивалъ одинъ стаканчикъ водки, клалъ себѣ въ ротъ крошечный кусочекъ хлѣба и, все еще со шляпой на головѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь, какъ будто былъ одинъ-одинешенекъ въ комнатѣ, проходилъ, сильно стуча Испанской тростью, черезъ библіотеку въ свой кабинетъ. Онъ называлъ его своимъ «инкогнито». Изъ кабинета онъ выходилъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, привѣтствовалъ весь собравшійся кружокъ, подавалъ гостю пальцъ, знатнымъ гостямъ отвѣшивалъ сухой поклонъ и говорилъ: «пойдемте къ столу». Въ это мгновеніе сыновья за его спиной нападали на водку. Къ изысканному, богатому столу Салтыкова можно было весь годъ имѣть свободный доступъ; но должно было являться во фракѣ, хотя самъ хозяинъ былъ всегда въ сюртукѣ. За столомъ прислуживало множество лакеевъ въ ливреѣ. Тяжелая столовая посуда и каждая тарелка были украшены гербомъ Салтыкова (рука, занесшая обнаженный мечъ). Салтыковъ за столомъ любилъ разсказывать что-нибудь изъ исторіи, и разсказъ его обыкновенно не имѣлъ конца. Тѣмъ неменѣе онъ казался мнѣ очень интереснымъ человѣкомъ. Въ 1834 году онъ еще продолжалъ разыгрывать роль «крайне-недовольнаго», которая тогда уже была на рѣдкость. Въ дѣтствѣ онъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Александромъ Павловичемъ, забылся однажды противъ своего высокаго товарища и былъ удаленъ изъ дворца. Въ военной службѣ онъ не пошелъ далѣе корнета. Немало удивили меня такія слова изъ его устъ: «Я не могу купить ни дома, ни имѣнія. У насъ нужно имѣть чинъ или титулъ; ну, могу-ли я подписаться: корнетъ Салтыковъ? Я отказался отъ всѣхъ титуловъ.» Ему никогда и не предлагали никакого.

За столомъ я долженъ былъ сидѣть всегда возлѣ него, потому что въ первый разъ такъ случилось. Если кто другой хотѣлъ сѣсть на мое мѣсто, то, кто-бы ни былъ этотъ гость, Салтыковъ, указывая на меня пальцемъ, говорилъ: «это его мѣсто». Передъ приборомъ Салтыкова всегда стояла полбутылка портера Лекока (тогда еще рѣдкая новинка), которою онъ не пользовался и которая однакожъ постоянно торчала передъ нимъ. Однажды я говорю ему: «Quand délivrerez-vous ce petit prisonnier de guerre anglais?» (Когда освободите вы этого маленькаго военно-плѣннаго Англичанина?). Словечко понравилось ему, и съ тѣхъ поръ онъ всегда, тыкая однимъ пальцемъ въ маленькую портерную фляжку, кивалъ головою на меня, и сейчасъ

лакей въ ливреѣ, отличавшійся необыкновенно высокимъ ростомъ, схватывалъ полубутылку и наливалъ мнѣ; самъ же Салтыковъ не попробовалъ изъ нея ни капли. Когда бывалъ Блудовъ, мой высшій начальникъ, то онъ садился по лѣвую сторону госпожи Салтыковой, противъ меня, и ужъ тогда я оставался безмолвенъ, что и было въ порядкѣ вещей.

Благодаря своему вранью или, лучше сказать, бреду, Салтыковъ попалъ однажды по отношенію къ Блудову въ очень неловкое положеніе. Старый Итальянскій архитекторъ Вендрамини былъ въ теченіи многихъ лѣтъ постояннымъ застольнымъ гостемъ Салтыкова, который увѣрилъ его, что онъ еще мальчикомъ получилъ отъ императора Павла Андреевскую звѣзду, украшенную чрезвычайно большими алмазами, и хранитъ эту драгоцѣнность съ своими табатерками. Простосердечный Итальянецъ вполнѣ повѣрилъ этой исторіи и, конечно, думалъ оказать услугу Салтыкову, обратившись однажды, въ присутствіи Блудова, къ нему съ просьбою: «Ахъ, пожалуйста, покажите намъ прекрасную Андреевскую звѣзду, которую вамъ пожаловалъ императоръ Павелъ. Вы мнѣ уже сколько разъ обѣщали». Я видѣлъ, какъ Блудовъ поднялъ голову; у него у самого былъ еще только Александръ Невскій. Салтыковъ какъ будто и не слыхалъ Вендрамини. Но когда старикъ архитекторъ повторилъ просьбу, онъ повернулъ его кругомъ и съ досадою произнесъ: «Ужъ эти мнѣ Итальянцы! Они ничего-таки не понимаютъ въ Русской исторіи!» Однажды за столомъ Салтыковъ разсказывалъ мнѣ:«Видите вы этотъ столбъ на дворѣ, вокругъ котораго гоняютъ лошадей на кордѣ? Когда я покинулъ дворецъ, у меня была лучшая верховая лошадь во всемъ Петербургѣ. Императоръ Александръ прислалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта, чтобѣ во что бы ни стало купить у меня эту лошадь. Я приказалъ вывести ее изъ конюшни, привязать къ столбу и въ присутствіи посланца застрѣлилъ изъ пистолета». Не всегда однакожъ онъ до такой степени ослаблялъ повода своей фантазіи; иногда разсказъ его былъ очень интересенъ, напримѣръ, о великой Французской революціи, во время которой онъ жилъ съ родителями въ Парижѣ. Онъ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ въ Палеройльскомъ саду Камиль Демуленъ вскочилъ на столъ и произнесъ свою знаменитую рѣчь. Конечно, имѣлись основательныя причины не вѣрить и этому разсказу; ибо въ 1789 году онъ былъ еще очень молодъ, и родители его, скрывавшіеся въ Парижѣ, врядъ-ли отпустили-бы юношу въ такое опасное время въ Палеройль.

Онъ прекрасно зналъ Французскую исторію и удовлетворительно исторію Среднихъ вѣковъ. Онъ часто спрашивалъ меня: «Что же Мишель никогда не зайдетъ ко мнѣ? Мы вѣдь были друзьями». Я передалъ это графу Вьельгорскому, и въ одинъ прекрасный лѣтній день мы оба явились къ нему. Я держался позади графа, какъ будто мы только что встрѣтились на лѣстницѣ. Послѣ обѣда мы отправились гулять въ Лѣтній садъ, въ которомъ пробыли до вечера. Графъ завелъ разговоръ о быломъ. Тутъ было съ обѣихъ сторонъ чего послушать, чему поучиться.—«Мишель», сказалъ Салтыковъ на прощаньи слегка растроганнымъ голосомъ, «мое Шампанское было нехорошо, я это чувствовалъ; я не зналъ, что ты будешь. Но если ты опять придешь, я тебя лучше угощу: говори заранѣе. Если хочешь, я за вами самъ заѣду въ каретѣ, гдѣ бы вы ни были».

Салтыковъ любилъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за мое въ этомъ случаѣ посредничество, но самъ онъ не оказалъ-бы никакой услуги ни мнѣ, ни кому бы то ни было; да никто и не обращался къ нему за этимъ. Успѣшнѣе было-бы пойти стучаться у входа въ гробницы Ѳивскихъ царей.

Самое драгоцѣнное въ домѣ, какъ говорили, была коллекція табатерокъ, хранившаяся въ ящикахъ изъ зеркальнаго стекла и которую Салтыковъ никому не показывалъ. Онъ былъ страшный нюхальщикъ и каждый день употреблялъ новую табатерку, одну другой богаче. Онъ любилъ, чтобъ ихъ замѣчали и съ удовольствіемъ пускался на счетъ ихъ въ объясненія. По большей части то были историческія табатерки, и сіи послѣднія онъ покупалъ во что бы ни стоило, содержа съ этою цѣлію кореспондентовъ въ Парижѣ, гдѣ, какъ кажется, можно достать все, если только съумѣешь поискать. Каждой изъ своихъ трехъ дочерей онъ далъ особое прозвище: Елену Салтыкову называлъ roche - croche, что̀ не имѣетъ никакого значенія, а развѣ только соотвѣтствовало ея дородности; Софія должна была откликаться на имя Таша, а старшую, вышедшую замужъ въ Швеціи за Моргенштирну, называлъ онъ la baronne, при чемъ обыкновенно пускался въ похвалы Швеціи и Шведамъ. По смерти его домъ и все движимое имущество были проданы. Двухэтажный домъ, съ низенькими, уютными комнатами, былъ вполнѣ барское жилище. Въ немъ вы чувствовали себя, какъ въ укрѣпленномъ, уединенно стоящемъ замкѣ богатаго землевладѣльца. Первый затопляемый осенью каминъ меня въ особенности привлекалъ туда. Даже самый входъ въ него, прямо съ тротуара въ нижній этажъ, дышалъ уютностью, благодаря камину, пылавшему между колоннъ этой длинной прихожей. Домъ безслѣдно исчезъ. Теперь на его мѣстѣ стоитъ Grand-Hôtel. Смерть Салтыкова едва-ли удостоилась какого-либо упоминанія въ обществѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ пользовавшемся его гостепріимствомъ. Я сожалѣлъ о немъ, какъ о потерѣ истинно оригинальнаго человѣка. «N'est pas original qui veut, mais qui peut» [33]), возражалъ я всякій разъ, какъ заходилъ разговоръ о Салтыковѣ [34]), «le glorieux», какъ его называли. И въ этомъ мнѣ поддакивалъ генералъ-адъютантъ и знаменитый военный писатель баронъ Жомини, отецъ извѣстнаго въ настоящее время дипломата. Этотъ умный человѣкъ тоже бывалъ иногда у Салтыкова. 1-го Іюля отвезъ онъ меня въ своей каретѣ отъ него въ Петергофъ, гдѣ меня ожидалъ графъ Вьельгорскій. Этимъ онъ мнѣ предоставилъ случай чему-нибудь научиться, котораго я не хотѣлъ упустить. Я просилъ снисходительнаго и ученаго генерала объяснить мнѣ, въ чемъ собственно заключается военное искусство, о которомъ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе. «Очень просто», отвѣчалъ онъ, «оно въ концѣ концовъ (en dernière instance) заключается въ томъ, чтобъ всегда быть двоимъ противъ одного».

---

[33]) Не всякій оригиналенъ, кто хочетъ имъ быть, но кто можетъ.

[34]) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ (владѣлецъ огромной библіотеки, которая такъ долго продавалась въ Москвѣ у Готье), внукъ Петра Васильевича (старшаго брата Елисаветинскому Сергѣю Васильевичу) и сынъ Василія Петровича отъ брака его съ княжною Евдокіею Михаиловною Бѣлосельскою), род. 1777, ум. 10 Мая 1846. Жена его, Александра Сергѣевна, была тоже изъ рода Салтыковыхъ.

VII.

Салтыковъ не бывалъ ни въ театрахъ, ни въ концертахъ; онъ былъ отшельникъ, эгоистъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ съ сердцемъ. Когда я имѣлъ несчастіе переломить себѣ ногу и лежалъ въ постелѣ, онъ навѣщалъ меня ежедневно. Для этого ему нужно было только продолжить свою прогулку изъ Малой Морской къ Белизару до Литейной, и притомъ пѣшкомъ; ибо онъ, имѣя возможность держать столько экипажей, сколько пальцевъ на рукѣ, никогда не ѣздилъ. Въ это время онъ опаздывалъ къ обѣду, заставлялъ себя ждать и, выходя изъ своего «инкогнито», печально приговаривалъ: «Онъ умретъ!» Къ моей постелѣ онъ, разумѣется, подходилъ съ шляпою на головѣ и слегка стуча Испанской тростью. Стереотипнымъ вопросомъ его было: «Долго ли придется еще мнѣ васъ навѣщать?» Это была его манера освѣдомляться о моемъ здоровьѣ. Когда я, наконецъ, снова появился у него, онъ сказалъ: «Пойдемте обѣдать», но только немножко раньше срока потыкалъ въ маленькую бутылку съ портеромъ Лекока.

Нѣсколько дней спустя послѣ вечера, проведеннаго въ Лѣтнемъ саду, въ которомъ со временъ императора Павла нога Салтыкова не бывала, встрѣтился я съ графомъ Вьельгорскимъ на Невскомъ. Онъ очень радъ былъ меня увидѣть и кивалъ мнѣ еще издали. Жаркое Іюльское солнце раскаляло пустынную улицу, на которой не видно было ни одного экипажа. «Какъ ты попалъ сюда?» спросилъ графъ.—«Какими судьбами вы-то сюда попали, графъ?» (Мы оба отличались тою особенностію, что никогда не ходили гулять). «Я курилъ въ Михайловскомъ скверѣ», объяснилъ мнѣ графъ, «sicut meus est mos»[33]), и тутъ мнѣ пришло на память, что Алексѣй Салтыковъ, Индѣецъ, два раза оставлялъ у меня свою карточку. Онъ вообразилъ, что застанетъ меня дома лѣтомъ! Ну, мнѣ надо у него побывать, и такъ какъ это недалеко, то я отправлюсь пѣшкомъ. Пойдемъ со мной; ты увидишь экземпляръ, который нечасто попадается. Не говорилъ ли ты, что тебѣ различныя мѣстности въ Индіи также хорошо знакомы, какъ въ Альпахъ? Не правда-ли?—«Что касается Индѣйскихъ монументовъ, то правда.»—«Ну, такъ идемъ вмѣстѣ. Я ему скажу, что ты былъ въ Индіи; это ему доставитъ удовольствіе. Можетъ быть, вы еще сдѣлаетесь друзьями. Ты можешь отъ него многаго наслышаться и многому научиться?»—«Онъ родственникъ Сергѣю Васильевичу?»—«Нѣтъ, онъ князь Салтыковъ [34]). Онъ каждыя пять лѣтъ пріѣзжаетъ сюда для возобновленія паспорта. Возобновить паспортъ трудно, и для этого-то онъ и былъ у меня—знаешь! Но я, впрочемъ, поговорю объ немъ съ Нессельроде. Англичане въ Индіи заподозрили Салтыкова Русскимъ шпіономъ. Дурачье! Салтыковъ шпіонъ! Ну, да ты его самъ увидишь; онъ насквозь джентельменъ и тебѣ, навѣрное, понравится. Мы его теперь застанемъ дома, потому что раньше вечера онъ не выѣзжаетъ; онъ дичится людей,

---

[33]) По моему обыкновенію.

[34]) Князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ, внукъ Александровскаго воспитателя, род. въ 1806 г. Отрывки изъ его путешествія по Индіи напечатаны въ Москвитянинѣ. П. Б.

ты его увидишь въ Персидскомъ одѣяніи, онъ былъ и въ Персіи и изъ подражательной умѣренности ужинаетъ бараниной съ рисомъ. Онъ по цѣлымъ днямъ занимается живописью. Его домъ словно музей; свои коллекціи онъ держитъ въ Петербургѣ, и управляющій его имѣніями долженъ все выкапывать и выставлять къ его пріѣзду; иначе онъ въ домъ не войдетъ».

Салтыковъ, по прозванію «Индѣецъ», занималъ въ гостинницѣ Демута бель-этажъ, обращенный къ Мойкѣ. Мы входимъ въ залу, увѣшанную до потолка Персидскими коврами, а по угламъ украшенную Индѣйскимъ оружіемъ: длинными копьями, Гиндустанскими саблями, маленькими кривыми Малайскими кинжалами. Посреди большой столъ, на которомъ разложены фоліанты съ гравюрами на мѣди. Между ними я нахожу Даніэля, источникъ всѣхъ моихъ свѣдѣній объ Индіи. Лакея-Англичанина, который хотѣлъ объ насъ доложить, графъ запросто оттолкнулъ въ сторону. Минуты черезъ двѣ изъ боковой комнаты вышелъ князь, въ узкомъ Кашемировомъ сюртукѣ, въ широкихъ красныхъ панталонахъ, въ желтыхъ Турецкихъ башмакахъ, съ заостренными въ видѣ птичьяго клюва носками. Болѣе изящной и аристократической наружности я никогда не видывалъ. Ему было около сорока лѣтъ. Волосы нѣсколько посѣдѣли, поступь мягкая, сохранившая юношескую гибкость, черты худощаваго, продолговатаго лица добродушно меланхолическія. Онъ подошелъ къ графу (посѣщеніе котораго для него, конечно, было очень важно), такъ какъ будто онъ только-что съ нимъ видѣлся. Графъ обнялъ его. Меня, разумѣется, князь осмотрѣлъ съ ногъ до головы. Это было вполнѣ поанглійски. Англійскій элементъ, какъ я впослѣдствіи имѣлъ случай замѣтить, хотя и умѣрённый Русскимъ благодушіемъ, проникалъ его насквозь, не имѣя однакожъ надъ нимъ рѣшительнаго преобладанія.

Итакъ я былъ представленъ, какъ человѣкъ, тоже побывавшій въ Индіи. Салтыковъ принялъ это такъ равнодушно, какъ будто ему говорили о Павловскѣ. «Какимъ путемъ вы туда попали?» спросилъ онъ своимъ чарующимъ голосомъ. Я назвалъ обыкновенный путь изъ Суэца на Бомбей. Онъ отвѣчалъ, что этимъ путемъ ѣздилъ три раза и взялъ карту, нарисованную чернилами и на которой всѣ три его путешествія были обозначены краснымъ, чернымъ и синимъ цвѣтами. Карта была составлена искусно и какъ-бы на память, изображая только самое необходимое. «Прекрасная страна свѣта», сказалъ князь, «это островъ Цейлонъ. Наблюдали-ли вы тамъ солнечныя восхожденія? Что за великолѣпіе цвѣтовъ!» Онъ подвелъ графа къ изданію Даніэля. «Это совершенно вѣрно природѣ, тутъ ничего нѣтъ преувеличеннаго. Тамъ дѣйствительно все такъ горитъ. Я въ отчаяніи, что не могу воспроизвести этого освѣщенія, а Даніэль представляетъ не болѣе, какъ только оттискъ красокъ. Въ сосѣдней комнатѣ я рисую красками; хотите, я покажу вамъ нѣсколько картинъ, изображающихъ пальмовые лѣса. Освѣщеніе зелени еще мнѣ удается, но на передачу огневыхъ тоновъ въ Цейлонѣ искусства моего рѣшительно не хватаетъ. Любите-ли вы руины?» обратился онъ ко мнѣ. «Храмы въ пещерахъ Сольсетты и Эллоры возбудили во мнѣ удивленіе», отвѣчалъ я такъ скромно, какъ только возможно. Салтыковъ перевернулъ листъ. «А! Кайласъ!» вскричалъ я тотчасъ же, «съ огромнымъ слономъ на паперти, у котораго нѣтъ одной ноги». Графъ кивнулъ головой, довольный удачнымъ продолженіемъ нашего

маленькаго обмана. Мы поддерживали такимъ образомъ разговоръ во все время перелистыванія картинъ. Въ заключеніе князь показалъ намъ литографированные въ Парижѣ «Индѣйскіе виды»: фоліантъ на толстой, такъ называемой, слоновой бумагѣ, съ широкими полями, артистически разукрашенными. Эти виды имѣютъ важное значеніе и пережили своего составителя, но въ настоящее время могутъ быть найдены только въ большихъ библіотекахъ. Они обнимаютъ природу, искусство и людей, и сейчасъ видно, что сняты съ натуры. Здѣсь вы видите слона, запряженнаго въ плугъ, между тѣмъ какъ два другіе спокойно ожидаютъ своей очереди подъ навѣсомъ. Тамъ цѣлый строй празднично изукрашенныхъ слоновъ преклоняетъ колѣна передъ раджею; далѣе ночное путешествіе въ паланкинѣ, въ сопровожденіи голыхъ, сухихъ какъ веретено Гиндустанцевъ, съ факелами въ рукахъ. Тамъ сверкаетъ священный прудъ, въ которомъ при лунномъ свѣтѣ приносятся въ жертву алигаторамъ дѣвицы; чудовища, высунувшись изъ воды, ожидаютъ своей прелестной добычи. Въ одномъ углу этой ужасной картины совершенно схоже изображенъ самъ путешественникъ, въ Англійскомъ сюртукѣ, съ тонкимъ Англійскимъ зонтикомъ, вмѣсто тросточки, въ рукѣ. Но самый интересный изъ этихъ видовъ безспорно видъ маленькаго уединеннаго домика въ Гималайскихъ горахъ, настоящей Русской избы, но только менѣе изукрашенной рѣзьбою. «Эти украшенія», пояснялъ князь Салтыковъ, «встрѣчаются на храмахъ въ Голкондѣ, за исключеніемъ Русскаго просверленнаго колеса, похожаго на солнце».—«Не указываетъ-ли это на общее происхожденіе обоихъ народовъ?» вмѣшался графъ. «Не знаю», возразилъ Салтыковъ; «но меня поразило это сходство. Впрочемъ у Риттера все, должно быть, есть; но Риттеръ толстая Нѣмецкая книга, а я питаю отвращеніе къ толстымъ книгамъ».—«Риттерова Азія», замѣтилъ я, «состоитъ изъ 17 толстыхъ томовъ, каждый болѣе чѣмъ въ 1000 печатныхъ страницъ».—«Вотъ оно что!» сказалъ графъ; «но что же говоритъ толстый Риттеръ о связи между Индѣйскими орнаментами и Русскою сельскою архитектурою?» «Объ этомъ онъ не говоритъ ничего, потому что гдѣ-же ему знать Русскую избу, точно также какъ и это пустынное мѣсто въ Гималаѣ, въ которомъ, можетъ быть, и побывать-то удалось только одному князю? Но кто-же живетъ въ этихъ домикахъ?» спросилъ я. «Это ничто иное, какъ скирды», отвѣчалъ князь. «А! какъ въ Швейцаріи, въ Туртманталѣ и Эйнфишталѣ».—«Вы видѣли ихъ?»—«Еще-бы!—«Но не заводите съ нимъ разговора о Швейцаріи», предупредилъ графъ: «его розсказнямъ конца не будетъ».

Въ весьма короткое время у меня съ Салтыковымъ завязались близкія сношенія. Я навѣщалъ его по утрамъ, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ своемъ изящномъ купѣ по вечерамъ, послѣ 11 часовъ. Прежде всего я долженъ былъ съиграть ему что-нибудь на фортепіано. Однажды, когда я игралъ ему басовое соло въ Allegretto изъ симфоніи Бетговена A-dur, я замѣтилъ, что эта мистическая музыкальная фраза въ низкихъ тонахъ напоминаетъ маршъ слоновъ въ Индѣйскомъ подземельномъ капищѣ. Съ этой минуты онъ возъимѣлъ особое предпочтеніе къ этой пьэсѣ, и я долженъ былъ часто ему играть ее. Хотя онъ имѣлъ обыкновеніе ѣсть только разъ въ день, но по его приглашенію мы часто отправлялись съ нимъ по вечерамъ ужинать. На первый разъ я выбралъ ресторанъ Леграна (нынѣ Дюссо), потому что первая отъ входа комната хорошо провѣтривается, украшена цвѣтами, а

главное, совершенно пуста. Мы бывали тамъ часто и долго бесѣдовали. Салтыковъ приказывалъ приносить себѣ счетъ на слѣдующее утро, ибо не носилъ съ собою портфеля, боясь испортить сюртукъ работы перваго Лондонскаго портнаго. Онъ въ особенности напиралъ на то, что этотъ портной шьетъ только по рекомендаціи какого-нибудь лорда, тогда только онъ сработаетъ на васъ лично. И если кто разъ уже потребовалъ носить такой легкій, какъ перышко, сюртукъ, другаго носить не будетъ. Въ Парижѣ-де не умѣютъ шить платья. На мой вопросъ: что же такой сюртукъ стоитъ? онъ отвѣчалъ спокойно, по своему обыкновенію (такъ какъ вообще его рѣчи никогда и не имѣли въ себѣ ничего хвастливаго, а на оборотъ, отличались женственною застѣнчивостію): ten founds, 10 ф. стерлинговъ. Великимъ знакомъ расположенія, которое оказалъ мнѣ Салтыковъ, былъ подарокъ его видовъ, числомъ свыше ста. Онъ былъ на этотъ предметъ скупъ; литографія стоила ему 10,000 франковъ. Онъ мнѣ подарилъ ихъ два экземпляра. Одинъ находится въ Ригѣ въ надежныхъ рукахъ; другой я продалъ за хорошія деньги. Это было съ моей стороны непростительно, но вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Мы говорили по-французски, но онъ любилъ приплетать Англійскія слова. Кто умѣлъ искусно предложить вопросъ, тому онъ отвѣчалъ охотно, хотя и не любилъ распросовъ. Я наслышался отъ него много интереснаго и долженъ былъ-бы вести журналъ о всѣхъ нелегко доступныхъ данныхъ и цифрахъ относительно народонаселенія, правленія Индѣйскаго и проч. Въ Калькутѣ Салтыковъ проживалъ по мѣсяцамъ у вице-короля. По вечерамъ, когда спадала жара, они выѣзжали на слонахъ прогуливаться по берегу Ганга. Англійскія верховыя лошади были-бы удобнѣе, но это набросило-бы тѣнь на ореолъ, которымъ вице-король считалъ нужнымъ окружать себя. «Однажды за столомъ», разсказывалъ онъ, «замѣтилъ я удивительно прекраснаго мальчика-Гиндуса. Я не спускалъ съ него глазъ, ибо мнѣ очень хотѣлось снять съ него портретъ; но я не зналъ, какъ къ этому приступить, чтобъ не унизиться въ глазахъ Англичанъ, считающихъ туземцевъ за низшую породу людей и очень много придающихъ вѣсу моему общественному положенію и титулу. Въ теченіи обѣда мальчикъ исчезъ. Когда я осмѣлился объ немъ освѣдомиться, то узналъ, что онъ вдругъ умеръ отъ холеры, которая, въ случаѣ если она злокачественна, губитъ людей въ самое короткое время». «А вы сами не боялись»?—«Объ этомъ никто не думаетъ; въ нашемъ кругу не было вовсе такихъ случаевъ, да и не говорятъ объ этомъ. Воздерживаются только отъ плодовъ и пьютъ очень крѣпкій, немножко охлажденный хересъ. Разумѣется, жара страшная. До 6 часовъ вечера нельзя выходить изъ дому. Однажды, въ сильнѣйшую жару, я послалъ съ письмомъ слугу Гиндуса, красиваго молодаго человѣка, а самъ остался у окна. Бѣднякъ едва сдѣлалъ сто шаговъ, какъ свалился съ ногъ. Его поразилъ солнечный ударъ, и онъ умеръ; смерть его лежитъ на моей совѣсти. Онъ умѣлъ говорить по-англійски. Зачѣмъ онъ меня не предупредилъ! Я былъ внѣ себя. Англичанамъ я не могъ повѣдать объ этомъ; имъ мои угрызенія совѣсти показались-бы ребяческими, они не поняли-бы моего горя. Въ самую сильную жару вице-король со всей свитой переселяется въ Симлахъ, на отрогъ Гималая. Деревня эта расположена на значительной высотѣ и пользуется очаровательнымъ климатомъ. Тамъ было хорошо, но дорого: бутылка хересу 2 ф. стерлинговъ. Я весь день ри-

совалъ деревья, исполинскіе кедры; нельзя себѣ представить, какъ толсты, какъ высоки деревья, какъ великолѣпна на нихъ листва! Разъ привыкнешь къ этому ландшафту, къ этому горному воздуху, къ этому отборному обществу и его этикету, то уже во всякомъ другомъ мѣстѣ чувствуешь себя неловко».—«А змѣи, ядовитыя насѣкомыя?»—«Ихъ нечего бояться. У Англичанъ все чисто, змѣи лежатъ въ «excavations» (такъ любилъ онъ называть пещерныя капища), и именно Cobras Cabellas, ужаленіе которой причиняетъ немедленную смерть. Туда входятъ съ факелами, и можно видѣть, какъ ползаютъ эти гады; они избѣгаютъ людей. Я нѣсколько разъ срисовывалъ въ Эллорѣ Тримунтисъ (Индѣйскую Тройцу) и у подножія идола безъ всякаго опасенія наблюдалъ за цѣлыми группами кобрасовъ. Отвратительныя, вздутыя животныя. Опасно въ Джунглесѣ, гдѣ надо путешествовать подъ охраною конвоя, потому что каждую минуту можетъ выскочить королевскій тигръ. Я не видалъ ни одного, потому что не бывалъ на охотахъ за тиграми и вообще не терплю никакихъ охотъ, убійствъ и грубыхъ забавъ».

Салтыковъ, по ходатайству графа, хотя и получилъ паспортъ, но только на два года. Вслѣдствіе этого онъ сталъ чаще пріѣзжать въ Петербургъ, а не въ однѣ только Олимпіады, какъ прежде, и я имѣлъ возможность съ нимъ чаще видѣться. Я никогда не забуду этого джентльмена au naturel [1]). Онъ былъ непонятный оригиналъ. Терпѣть не могъ писать, и наилюбезнѣйшее письменное приглашеніе приводило его въ затрудненіе. Какъ часто я за него писалъ отвѣты туда, гдѣ неизвѣстенъ былъ мой почеркъ, и если подпускалъ «булавку», дѣлавшую невѣроятнымъ повтореніе приглашенія, то это очень его радовало.

«Я никогда не обѣдаю не-дома», говаривалъ онъ обыкновенно, «что они хотятъ меня мучить! Я voyageur, dessinateur [35]), я не гожусь въ эти гостинныя, гдѣ меня спрашиваютъ что такое Индія».

Интересно было мнѣ узнать, какимъ образомъ Салтыковъ получилъ это пристрастіе къ Индіи. «Мы жили», разсказывалъ онъ, «въ родительскомъ домѣ возлѣ дворца принца Ольденбургскаго. Я былъ еще мальчикомъ, когда прибылъ въ Петербургъ Абасъ-Мирза, чтобы принести извиненія по поводу избіенія Русскаго посольства съ его представителемъ, Грибоѣдовымъ (20 Января 1829 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить Императору двухъ слоновъ. Ноги слоновъ были обуты въ высокіе мѣховые сапоги. Съ той минуты, какъ я увидалъ этихъ животныхъ, меня стала преслѣдовать мысль увидѣть ихъ родину». Съ психологической точки зрѣнія это уже само по себѣ замѣчательно. Но что путешественникъ нѣсколько разъ посѣщалъ Индію и жилъ въ ней по нѣскольку лѣтъ, тому есть другая причина. Онъ отыскивалъ идеальное женское личико, которое представляло бы собою нѣжныя, продолговатыя Гиндустанскія черты. Такихъ головокъ онъ нарисовалъ тысячи, и ими переполнены были всѣ его портфели. Замѣшана тутъ была также и обманутая любовь.

По внѣшнимъ манерамъ впослѣдствіи въ Парижѣ напомнилъ мнѣ Салтыкова Шопенъ. Для вящаго сходства Шопену не доставало 20,000 рубл. годоваго дохода, которыхъ Салтыкову, не смотря на всю

---

[35]) Въ натурѣ.

[36]) Путешественникъ-рисовальщикъ.

его экономію, казалось мало, чтобъ не уступать Англичанамъ въ Индіи; въ особенности въ Симлахѣ.

Салтыковъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ и братъ его Петръ живалъ по цѣлымъ годамъ, собирая колекцію рыцарскихъ доспѣховъ. Я ему часто предсказывалъ, что онъ закончитъ Парижемъ, чему онъ не хотѣлъ вѣрить, такъ какъ не любилъ Парижа. Тамъ онъ сажалъ огурцы и солилъ ихъ на Русскій манеръ. Онъ жилъ отшельникомъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ только хорошихъ рисовальщиковъ, такъ какъ и самъ былъ не изъ послѣднихъ. Онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ, и я показывалъ его письма графу. «Видишь ли», сказалъ мнѣ графъ, «какъ хорошо, что я тебя тогда встрѣтилъ по дорогѣ къ Салтыкову. Иначе я никогда и не подумалъ-бы представлять ему тебя; это произошло такъ, случайно».

VIII.

Пусть читатель представитъ себѣ положеніе молодаго человѣка, пріѣхавшаго въ Петербургъ вести процессъ въ Сенатѣ противъ человѣка, власть имѣющаго. Таково было именно мое положеніе. Я очутился въ большомъ городѣ безъ средствъ, безъ знакомства и предсталъ передъ Сенатъ, какъ передъ Сфинкса, которому человѣкъ, власть имѣющій, успѣлъ замолвить свое словечко. Не лично меня касался процессъ, но дорогіе сердцу моему родственники почтили меня довѣріемъ, которое я рѣшился оправдать во что̀ ни станетъ. Я уже разсказалъ въ первой главѣ Записокъ, какъ пріютила меня въ своемъ домѣ старая графиня. У нея въ домѣ я, такъ сказать, почувствовалъ уже твердую почву у себя подъ ногами въ городѣ, гдѣ дважды два только случайно составляли четыре, а могли и равняться нулю или составить семь и болѣе. Кузенъ Жанъ, вѣчно возившійся съ своими монетами, не имѣлъ никакого понятія о тяжбахъ и о тѣхъ людяхъ, съ помощію которыхъ единственно я могъ добраться до своихъ судей. Старая графиня знала только свое подраздѣленіе людей на князей и графовъ и единственнымъ результатомъ, выведеннымъ ею изъ опыта ея долгой жизни, было то, что министръ двора, князь Волконскій, есть будто-бы начало и конецъ человѣчества. Она видала его ежедневно, но не смѣла говорить съ нимъ о дѣлахъ. О предстательствѣ за меня у князя, объ испрошеніи его покровительства нечего было и думать. Волконскій не вмѣшивался ни во что, это было всѣмъ извѣстно, и даже въ дѣлахъ, подлежавшихъ личному его вѣдѣнію, онъ обыкновенно говорилъ нѣтъ, почему его и называли, вмѣсто князь Петръ Михайловичъ, le prince de pierre или le prince Non [1]). Въ пятидесятилѣтній юбилей его службы Государь возвелъ его въ фельдмаршалы. Въ домѣ старой графини я узналъ, что есть знатные люди, отъ которыхъ никогда не отстоишь такъ далеко, какъ если живешь съ ними и въ средѣ ихъ общества. На святкахъ 1833 года графинѣ вздумалось сдѣлать Волконскому сюрпризъ, который, однакожъ, скорѣе могъ доставить удовольствіе ей, чѣмъ ему. Въ то время было еще въ обычаѣ, на святкахъ, разгуливаніе ряженныхъ по городу. Старуха нарядила дѣтей своихъ племянницъ, госпожъ Фонъ-Эссенъ и Фонъ-Ломаннъ. Я долженъ былъ тоже надѣть домино и маску. Подъ предводительствомъ старой барыни мы молчаливою

[1]) Каменный князь или князь Нѣтъ.

процессіей взобрались по узкой, но удобной витой лѣстницѣ Зимняго Дворца, ведшей въ жилище Волконскаго. Когда мы вошли къ нему, онъ приказалъ намъ, дѣтямъ (мнѣ было тогда уже 24 года) чего-то «подать». Онъ милостиво протянулъ мнѣ руку и обмѣнялся со мной парою Французскихъ словъ, черезъ что я много выросъ въ глазахъ старой графини. На масляницѣ князь обыкновенно отдавалъ на одинъ вечеръ свою прекрасную ложу въ Большомъ театрѣ графинѣ и дѣтямъ ея племянницъ, со включеніемъ въ тоже число и меня. Тогда она говорила: «Мы были при дворѣ» и придавала этому чрезвычайную важность. Разъ въ году, лѣтомъ, графиня посѣщала свое имѣньице на 70-й верстѣ по Нарвской дорогѣ, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ и обезпечить свои доходы. Жанъ, я и старая горничная должны были отправляться съ нею. Въ такомъ случаѣ мы съ грохотомъ выѣзжали въ описанной уже въ первой главѣ громадной старой каретѣ, съ весьма кислыми физіономіями, потому что путешествіе длилось долго, и на половинѣ дороги, въ Кипенѣ, намъ приходилось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ кормить лошадей у одного Нѣмецкаго колониста. Я въ это время читалъ послѣдній романъ Бальзака; Жанъ, вытащивъ изъ кармана нѣсколько монетъ, разбиралъ ихъ Персидскія надписи съ помощью увеличительнаго стекла, которое всегда имѣлъ при себѣ. На границѣ имѣнія насъ встрѣчалъ староста. Пріѣхавъ въ имѣньице, графиня ревностно принималась за инспекцію хозяйства, заключавшуюся въ томъ, что горничная отпирала старинные шкафы, вынимала оттуда запыленные чашки, тарелки, всякую столовую посуду, повѣряла ее по списку, чистила и вновь запирала. Въ этомъ и состоялъ весь осмотръ, оканчивавшійся маленькой рѣчью, въ которой взывалось къ совѣсти старосты. Тогда старушка, вполнѣ довольная, объявляла намъ: «Теперь поѣдемъ къ сосѣдямъ». Сосѣдями были Эссены, владѣвшіе прекраснымъ имѣніемъ Ивановскимъ, съ настоящимъ дворцомъ, окруженнымъ громадными парками и въ которомъ въ свое время давались великолѣпныя празднества въ честь князя Волконскаго; далѣе графиня Ферморъ, урожденная фонъ-Альбрехтъ, жившая въ своемъ крошечномъ помѣстьѣ. Эта послѣдняя знавала въ Ригѣ моего отца и все наше семейство, что̀ она и заявила наилюбезнѣйшимъ образомъ, лишь только услышала мою фамилію. Это опять возвысило меня въ глазахъ старой графини. Жанъ былъ всегда очень доволенъ, когда дѣло близилось къ возвращенію въ городъ, я же былъ къ этому совершенно равнодушенъ; ибо вопросъ о томъ, для чего я собственно пріѣхалъ въ Петербургъ, становился для меня все болѣе и болѣе неяснымъ. Я толкался къ сенаторамъ, въ рукахъ которыхъ находился мой процессъ, но не былъ ими принимаемъ. Туже участь испыталъ я и у оберъ-прокурора Лобанова-Ростовскаго. Между тѣмъ для меня все зависѣло отъ того, чтобъ видѣться съ этими господами и поговорить съ ними объ отношеніяхъ, о которыхъ они не имѣли понятія, ибо таковыхъ не существовало въ Россіи. Что̀ тутъ можно было сдѣлать посредствомъ письма? Да и вопросъ еще, прочтутъ-ли какъ слѣдуетъ письмо, въ которомъ, однакожъ, было-бы столько существеннаго для чтенія! Руководящей нитью для сужденія сенаторовъ оставалось, стало-быть, все-таки то, что̀ было написано упомянутымъ сильнымъ лицомъ; онъ самъ это говорилъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ моему будущему, равно какъ и настоящему, встрѣтился я въ магазинѣ съ одной Московской

дамой, съ которой познакомился годъ тому назадъ въ Москвѣ и которая, собираясь ѣхать за границу, по пути пріѣхала на короткое время въ Петербургъ. Это была г-жа Сольданъ, урожденная Мерлина, игравшая съ своими тремя прелестными дочерями видную роль въ высшемъ Московскомъ обществѣ. Я былъ радушно принимаемъ въ ея музыкальномъ семействѣ. Съ ней я могъ откровенно поговорить о своихъ заботахъ. «Не можетъ-ли вамъ быть полезнымъ Лобановъ-Ростовскій?» спросила она.—«Онъ-то и есть самоважнѣйшій для меня человѣкъ».—«Это очень кстати; онъ обѣщалъ быть на моемъ маленькомъ прощальномъ вечерѣ; я васъ представлю ему и дамъ вамъ при отъѣздѣ письмо на его имя; тогда вы можете поговорить съ нимъ о дѣлахъ. Это мой старый другъ. Помните, когда вы уѣзжали изъ Москвы въ Константинополь, я дала вамъ письмо къ посланнику Бутеневу—разговоритесь объ немъ съ Лобановымъ; они большіе друзья».

Лобанову было около 50 лѣтъ. Онъ былъ небольшаго роста, сухопаръ и имѣлъ чрезвычайно живыя манеры. Я уже испыталъ, что чѣмъ менѣе ростъ, тѣмъ труднѣе ухватиться за человѣка. Я замѣтилъ, что онъ, не будучи собственно косъ, имѣлъ обыкновеніе перекашивать и носилъ парикъ. Подобные люди всегда держатся оборонительнаго положенія. Онъ говорилъ безпрерывно и притомъ очень хорошо, вполнѣ владѣя даромъ слова и умѣя одинаково хорошо выказывать свой блестящій умъ какъ на Русскомъ, такъ и на Нѣмецкомъ языкахъ. Я отвѣчалъ пространно на его распросы о Бутеневѣ, о посольствѣ, о секретарѣ Волковѣ, объ Устиновѣ (совѣтникѣ посольства)—всѣ лица, бывшія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною на берегу Босфора въ Буюкдере, моими ежедневными собесѣдниками. Устиновъ былъ прекрасный віолончелистъ. Съ нимъ и Бутеневымъ (скрипка) я разыгрывалъ Бетховенскія тріо при единственномъ слушателѣ, Австрійскомъ интернунціѣ, какъ тогда называли Австрійскихъ посланниковъ. Въ Константинополь я ѣздилъ не изъ празднаго любопытства, а изъ пламеннаго энтузіазма къ Римскому праву, откровеніе о которомъ я получилъ въ Дерптѣ. Я имѣлъ въ виду отыскивать потерянные источники его въ библіотекѣ Сераля и въ Греческихъ монастыряхъ. На это я получилъ отъ моего великаго учителя Клоссіуса инструкціи и наставленіе, какъ, съ помощію различныхъ тинктуръ, вытравлять съ пергаментовъ ничего нестоющую рукопись какого-нибудь монаха и возстановлять Римскій текстъ, замаранный имъ для того, чтобъ воспользоваться пергаментомъ. Этимъ способомъ Нибуръ въ Веронѣ и Клоссіусъ въ Миланѣ возстановили нѣсколько потерянныхъ юридическихъ текстовъ. Эти открытія и увлекательныя лекціи Клоссіуса очаровали меня. Мнѣ тоже захотѣлось открыть что-нибудь! Необдуманное предпріятіе — ибо на это нужны матерьяльныя средства, которыхъ у меня не было, и долголѣтнія, многотрудныя изысканія. Но самонадѣянность свойственна человѣку въ молодости, и только въ старости онъ познаётъ себя во всей своей наготѣ и убѣждается въ ничтожности своихъ способностей! Однако членъ семейства обязанъ подчиняться требованіямъ его, а не влеченію своего вкуса. По первому зову я возвратился въ Ригу, чтобы посвятить себя Петербургскому процессу, составившему на много лѣтъ задачу моей жизни.

На вечерѣ у г-жи Сольданъ, когда я вскользь сообщилъ Лобанову о моихъ покинутыхъ археологическихъ планахъ, онъ сказалъ мнѣ:

«Ваши кодексы напоминаютъ мнѣ, что я сенатскія бумаги принужденъ читать въ перчаткахъ, ибо иначе онѣ рѣжутъ мнѣ руку». Мы разговаривали цѣлый вечеръ, и я покинулъ общество съ легкимъ сердцемъ въ одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ Майскихъ ночей, которыя приводятъ въ такое изумленіе иностранцевъ и многимъ нравятся больше Итальянскихъ. Письмо г-жи Сольданъ открыло мнѣ доступъ къ Лобанову. Тѣмъ не менѣе задача моя была нелегка; но она удалась наконецъ: я убѣдилъ его въ своемъ правѣ, онъ далъ процессу новое направленіе, и я выплылъ на открытый фарватеръ. Лобановъ всегда сохранялъ обо мнѣ благосклонное воспоминаніе. Когда я въ 40-выхъ годахъ прибылъ по поводу своего процесса въ Москву, онъ былъ предсѣдателемъ Общаго Собранія Московскаго Сената. Онъ объявилъ мнѣ, что вечера проводитъ въ Англійскомъ клубѣ, позволилъ мнѣ навѣщать его тамъ и чрезвычайно любезно записывалъ меня въ книгу гостей. Тамъ мы цѣлые вечера проводили въ бесѣдахъ. Онъ разсказывалъ мнѣ о прошедшемъ high life [38]) въ Москвѣ. «Этотъ великолѣпный домъ», говорилъ онъ, «что̀ теперь Англійскій клубъ, принадлежалъ графу Разумовскому. Здѣсь давались праздники, о которыхъ теперь и понятія никто не имѣетъ. Сама графиня была первая изъ всѣхъ нашихъ красавицъ. Теперь она давно уже живетъ въ Петербургѣ; она послѣдняя изъ знатныхъ дамъ стараго высшаго свѣта, не правда-ли?»—«Она всегда казалась мнѣ такою; я имѣю честь посѣщать ея рауты. Ея великолѣпное жилище въ домѣ Сумарокова устроилъ для нея самъ Императоръ».—«Кто бываетъ на этихъ раутахъ? Разскажите мнѣ; все, что̀ касается графини, меня интересуетъ».—«Въ первой комнатѣ обыкновенно собирается дипломатическій корпусъ. Императоръ здѣсь около часа времени проводитъ въ разговорахъ то съ тѣмъ, то съ другимъ дипломатомъ. Потомъ онъ переходитъ въ большую гостинную, въ которой графиня собираетъ вокругъ себя пожилыхъ дамъ. Въ третьей комнатѣ играютъ въ карты, но весьма на немногихъ столахъ; въ четвертой предъ обильно снабженнымъ буфетомъ порхаетъ и жужжитъ рой молоденькихъ дамъ. Побывавъ во всѣхъ четырехъ комнатахъ, Императоръ прощается, и графиня провожаетъ его до прихожей». «Это должно быть очень интересно», прервалъ меня Лобановъ.—«Дѣлаются наблюденія; прежде 11-ти никто не приходитъ, и въ 3 часа вечеру уже конецъ».—«А министры бываютъ тамъ?» — «Министровъ Горчакова и Валуева я встрѣчалъ каждый разъ».—«Кого вы больше придерживаетесь? Кто вамъ другъ?»—«Я думаю, Бетховенъ! Въ комнатѣ, гдѣ играютъ въ карты, виситъ картина, изображающая князя Андрея Разумовскаго, нѣкогда бывшаго посланникомъ въ Вѣнѣ. Князь сидитъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, на нихъ лежитъ скрипка, а лѣвѣе стоитъ лучшій въ свѣтѣ, самый похожій бюстъ Бетховена. На раутахъ графини я стою, какъ вкопанный, передъ этой картиной. Графиня часто мнѣ говаривала: «Я подарила-бы вамъ эту картину, но это даръ самого Андрея, а онъ братъ моего мужа. Знаетъ-ли Вьельгорскій, что эта статуя самая лучшая, какъ вы говорите? Скажите ему это, тогда онъ навѣрное пріѣдетъ ко мнѣ. Почему онъ ко мнѣ не ѣздитъ? Вѣдь я же бываю на его вечерахъ!»—«Я это устрою».—«Ну, тогда я вамъ подарю копію съ этой картины».

[38]) Высшее общество.

Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ *).

IX.

Случай свелъ меня съ княземъ И. А. Лобановымъ; также случайно познакомился я и съ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ. Знакомство это для меня имѣло еще болѣе значенія.

Въ то время князь былъ статсъ-секретаремъ, предсѣдателемъ Комисіи для принятія прошеній и имѣлъ большое вліяніе на судьбу своихъ современниковъ и особенно на жившихъ въ Петербургѣ; но я зналъ про него только, что онъ въ обществѣ не бываетъ и у себя не принимаетъ, а всѣхъ, имѣющихъ до него дѣло, выслушиваетъ въ Комисіи. Я познакомился съ нимъ слѣдующимъ образомъ. У Алексѣя Ѳедоровича Львова, извѣстнаго музыканта, былъ квартетный вечеръ. Онъ жилъ тогда въ Караванной, въ собственномъ домѣ, въ этой священной обители музыки, которая должна быть памятна обитателямъ Петербурга. Музыкальныя собранія бывали разъ въ недѣлю; квартеты всегда исполнялись въ небольшой комнатѣ, украшенной поясными изображеніями въ натуральную величину Мендельзона, Рубини и графини Росси (Зонтагъ), которыя получены хозяиномъ въ подарокъ отъ самихъ артистовъ. Оркестровыя же произведенія исполнялись въ прекрасной залѣ, окнами на улицу. Квартетъ уже начался. Я сидѣлъ спиною къ окну, выходившему во дворъ. Мѣстъ было немного, слушатели помѣщались въ гостиной. Возлѣ меня стоялъ незанятый стулъ. Изъ гостинной тихо вышелъ на цыпочкахъ какой-то господинъ въ свѣтло-коричневомъ, узкомъ фракѣ съ двумя звѣздами и помѣстился рядомъ со мною. Кто-бы это могъ быть? Я его никогда не встрѣчалъ ни у графа Вьельгорскаго, ни здѣсь; а между тѣмъ, повидимому, у Львова онъ свой человѣкъ. «Чей это квартетъ?» спросилъ онъ у меня вполголоса.—«Квартетъ Разумовскаго, Е. (онъ улыбнулся). Финалъ есть торжество Львова; по силѣ игры съ нимъ можетъ равняться только одинъ Липинскій», отвѣчалъ я также тихо. Сосѣдъ мой кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія. «Приходите ко мнѣ, раннимъ вечеромъ, часовъ

---

*) Первыя восемь главъ этихъ Записокъ помѣщены въ 1-й книгѣ Русскаго Архива сего года (въ выпускѣ 4-мъ, стр. 436—468). Пользуемся случаемъ, чтобъ исправить ошибку въ эпиграммѣ, указанную намъ Я. К. Гротомъ. Вотъ настоящій текстъ часто приводимыхъ стиховъ Данта:

Tu proverai si come sa di sale
Il pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e'l salir pes l'altrui scale.

(ты испытаешь, какъ отзывается солью чужой хлѣбъ и какъ тяжелъ путь спуска и подъема по чужой лѣстницѣ). Это—буквальный переводъ. См. Il Paradiso, пѣснь XVII, стихи 58—60.

около 8-ми», сказалъ онъ мнѣ въ антрактѣ, очень любезно, но съ оттѣнкомъ повелительности въ голосѣ. Развѣ онъ зналъ, кто я? По всѣмъ признакамъ онъ принадлежалъ къ высокопоставленнымъ лицамъ: въ Петербургѣ это тотчасъ же бросается въ глаза. Съ послѣднимъ акордомъ онъ всталъ и тихо направился къ выходу. Тутъ его поймалъ Львовъ и сталъ уговаривать остаться, чтобы прослушать новый амольный квартетъ Мендельзона. «Мнѣ нужно еще поработать; у меня завтра докладъ», и незнакомецъ исчезъ какъ призракъ. Я сталъ наводить справки. «Какъ?» сказалъ Львовъ, «вы, его не знаете? Да развѣ онъ не бываетъ у графа? Это Голицынъ; онъ прежде игралъ на скрипкѣ, и у него два прекрасныхъ инструмента. Что онъ вамъ сказалъ? Отправляйтесь къ нему, онъ важное лицо».

Князь Голицынъ жилъ на углу Невскаго и Малой Садовой, въ домѣ Менгдена, въ бельэтажѣ. Онъ меня принялъ у письменнаго стола, заваленнаго дѣловыми бумагами. «У меня есть ваша книга о Бетговенѣ, я ее прочелъ, и съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ онъ мнѣ любезно. Для бѣдняка-автора всегда пріятно видѣть, что его сочиненія раскупаются. «Поговоримте о музыкѣ, я тоже игралъ на скрипкѣ».—«Львовъ мнѣ сказывалъ». Повидимому мои слова доставили ему удовольствіе. «Я вамъ потомъ покажу свои инструменты». Я сидѣлъ противъ князя Голицына, по другую сторону его рабочаго стола. Онъ всѣхъ принималъ такимъ образомъ. Когда хозяинъ поднимался съ мѣста, гость уходилъ—такъ заведено у всѣхъ министровъ. Князь Голицынъ всталъ. «Приходите еще, вы мнѣ будете сообщать музыкальныя новости, а самъ я не могу слѣдить: время мое слишкомъ занято». Я бывалъ у него въ продолженіи многихъ лѣтъ, разъ въ недѣлю, познакомился съ семьей его, приглашаемъ былъ къ обѣду и къ чаю. Въ домѣ у нихъ все было не такъ, какъ у другихъ. Я бы могъ сказать, что у нихъ вѣяло Нѣмецкимъ духомъ. Все отличалось величайшей простотой, ничего на показъ; прислуги ровно сколько нужно, мебель въ стилѣ первой Имперіи, чайный и столовый приборы въ томъ же вкусѣ, изъ тонкаго фарфора съ рисунками, изображавшими сфинксовъ и грифовъ.

Князь Голицынъ съ головы до ногъ смотрѣлъ придворнымъ человѣкомъ Александровскихъ временъ. Въ немъ была смѣсь этикета и любезной обходительности. Обращеніе его отличалось сдержанностію и важностью, какъ вообще у людей дѣйствительно знатнаго происхожденія, и потому въ немъ это казалось естественно. Говорилъ онъ тоже медленно, но съ отмѣннымъ изяществомъ. Когда ему случалось разсказывать что нибудь и подъ часъ не находить настоящаго слова, то подсказывать было нельзя: это его смущало, и онъ никогда не повторялъ подсказаннаго слова, а подыскивалъ другое. Я все это очень хорошо зналъ, но иногда не могъ воздержаться.

Княгиня, урожденная графиня Кутайсова, отличалась, какъ всѣ знатныя дамы того времени, достоинствомъ, простотой и сдержанно-вѣжливымъ обращеніемъ, не то что въ нынѣшнее время, когда господствуютъ крайности: либо чванная неподступность, либо совершенная распущенность на Французскій ладъ. Княгиня не давала вечеровъ и сама никуда не выѣзжала; она жила для семьи, для сына, составлявшаго гордость семьи, и для дочери, которая артистически играла на фортепьяно.

Князь Голицынъ заѣзжалъ ко мнѣ ради квинтетовъ Моцарта и Бетговена на фортепьяно и духовыхъ инструментахъ; они вообще исполняются очень рѣдко, хотя принадлежатъ къ лучшимъ произве-

деніямъ въ области камерной музыки. Я устроивалъ такъ, что первые артисты Итальянской оперы, Нидманъ (кларнетъ), Луфтъ (гобой) съ товарищами Шиндлеромъ (фоготъ) и Гомиліусомъ (рожокъ) собирались у князя Голицына и акомпанировали его дочери. О моемъ исполненіи Моцартовскаго квинтета графы Вьельгорскіе протрубили вездѣ. Я долженъ былъ съиграть его у графа Сумарокова передъ королевой Виртембергской. Мы прорепетировали нѣсколько разъ, день былъ назначенъ, приглашенія разосланы, но передъ самымъ концертомъ все разстроилось по причинѣ болѣзни королевы.

На лѣто семья князя Голицына переѣзжала въ подмосковное имѣніе, а онъ оставался одинъ въ Петербургѣ; тогда балконъ, выходившій на Невскій проспектъ, украшался большою пальмою: это ему замѣняло дачу. Только въ Августѣ удавалось ему освободиться отъ дѣлъ. Лѣтомъ мнѣ случалось по цѣлымъ вечерамъ просиживать съ нимъ у окна. Онъ не безъ любопытства слѣдилъ за толпой, которая снуетъ по Невскому. Зналъ онъ все и всѣхъ. Удерживала въ городѣ его не Комисія, а сыскныя дѣла внутренней полиціи, возлагаемыя на него Государемъ. Въ то время подобныя дѣла велись негласно; они поглощали все время и все вниманіе князя Голицына.

«Еслибы только знали, какъ это бываетъ затруднительно и какъ тутъ легко подвергнуться осужденію! Скажите это Мишелю (графу Вьельгорскому); онъ этого тоже не понимаетъ». Князь Голицынъ былъ временно моимъ начальникомъ по части политической цензуры; это былъ главный судья во всеможныхъ цензурахъ. Часть тоже довольно затруднительная! Мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣловыя отношенія, и я долженъ засвидѣтельствовать, что онъ дежался правилъ человѣколюбія и въ рѣшеніяхъ никогда не уклонялся отъ закона.

Въ обществѣ онъ слылъ за педанта, потому что дѣйствовалъ осторожно и обдуманно; его обвиняли въ излишней строгости люди, которые не въ состояніи были правильно судить объ этихъ дѣлахъ. Князь Голицынъ многократно передавалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей служебной дѣятельности. (Высокопоставленныя лица обыкновенно часто повторяютъ одинъ и тотъ же разсказъ, такъ какъ они изъ массы впечатлѣній удерживаютъ только особенно выдающіяся явленія). Въ Комисію поступила просьба отъ одного изъ сосланныхъ въ Сибирь; черезъ нѣсколько времени отъ того же лица вторично прислана была просьба одинаковаго содержанія съ первою. «Она возбудила мое вниманіе», разсказывалъ князь съ видимымъ удовольствіемъ. «Дѣло въ томъ, что, по ошибкѣ, одного сослали вмѣсто другаго. Я велѣлъ подать сенатскія бумаги и чѣмъ больше вчитывался, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что дѣйствительно тутъ была ошибка. Государя по дѣламъ службы я видаю только разъ въ мѣсяцъ. Но при первомъ докладѣ я заговорилъ объ этомъ дѣлѣ».—«Лучше тебя знаю», отвѣчалъ онъ, «не говори мнѣ никогда объ этомъ». Я сильно огорчился; бумага все еще лежала у меня на столѣ, но совѣсть не давала мнѣ покою. Черезъ нѣсколько времени, я рѣшился, не смотря на запрещеніе Государя, снова заговорить о томъ же предметѣ. Я объявилъ, что моя совѣсть тогда только будетъ спокойна, когда онъ самъ просмотритъ дѣло и выскажетъ мнѣніе. Государь отвѣчалъ: «Пожалуй, но въ такомъ случаѣ крѣпко держись», и назначилъ вечеромъ часъ для доклада. По обыкновенію тутъ приходилось торопиться докладомъ, и никогда еще не случалось мнѣ съ

такимъ безпокойствомъ входить въ кабинетъ Государя. Я подвергался возможности лишиться мѣста. Вы знаете, конечно (продолжалъ Голицынъ) эту комнату? Ее открывали для публики, когда скончался Николай Павловичъ. Она находится въ первомъ этажѣ Зимняго дворца; зеркальное окно выходитъ къ Адмиралтейству; у окна письменный столъ, затѣмъ кожаный диванъ, передъ нимъ столъ и наконецъ походная кровать, на которой Государь спалъ подъ солдатскою шинелью. Вотъ какъ просто онъ жилъ! Бумагу я принесъ съ собою, отмѣтки были сдѣланы заранѣе. Государь сказалъ коротко: «Садись!» и самъ сѣлъ рядомъ со мной на диванъ. Я нѣсколько робѣлъ. Вечерній чай Государь кушалъ всегда у Государыни, и до чаю оставался только часъ времени. Успѣю ли я изложить дѣло? А если нѣтъ—что̀ будетъ съ дѣломъ и со мной? Въ началѣ Государь выражалъ нетерпѣніе, но потомъ, какъ мнѣ казалось, сталъ поддаваться и когда явился слуга отъ Государыни, Государь сказалъ: «Сегодня я занятъ!» Черезъ часъ онъ всталъ съ дивана: «Ты правъ, Голицынъ, это мы должны поправить. Садись къ столу, пиши губернатору, чтобы онъ освободилъ этого человѣка; я съ нимъ поговорю здѣсь, въ твоемъ присутствіи». У Государя всегда были наготовѣ фельдъегеря, совсѣмъ одѣтые и затянутые ремнями, которыхъ укладывали какъ поклажу на телѣгу: иначе они бы не выдержали! «Позвать лучшаго курьера», сказалъ Государь. Въ дверяхъ появилась коренастая фигура.—«Ты всегда былъ проворнѣе всѣхъ», сказалъ Государь, «сейчалъ же отправляйся въ Тобольскъ, отдай губернатору эту бумагу; если онъ будетъ спать, ты его разбуди. Онъ передастъ тебѣ одного человѣка, ты его привезешь прямо ко мнѣ въ кабинетъ. Если я буду спать, ты тоже и меня разбудишь». Сосланнаго привезли (продолжалъ Голицынъ) и позвали меня. Государь ему сказалъ: «Виноватъ, ошибся, поправлю; обратись къ князю Голицыну, онъ вмѣстѣ со мной приведетъ дѣло въ порядокъ». Я пошелъ домой, не помня себя отъ радости!» Такъ заключалъ князь Голицынъ свой разсказъ, всегда возбуждавшій во мнѣ сильное участіе; между тѣмъ толпа все продолжала сновать взадъ и впередъ по Невскому, мимо окна, гдѣ мы сидѣли. «А вотъ тѣ, что̀ тамъ идутъ», заключалъ онъ не безъ горечи, «они вѣдь считаютъ меня жестокимъ человѣкомъ!»

X.

Тяжкій ударъ разразился надъ княземъ А. Ѳ. Голицынымъ. Его сынъ, бывшій уже адъютантомъ, поѣхалъ въ лодкѣ изъ Петергофа въ Кронштдтатъ по дѣламъ службы, и утонулъ. Голицыны были не только отецъ и мать, они были р о д и т е л и въ полномъ смыслѣ слова, т. е. составляли съ дѣтьми нераздѣльное цѣлое на всю жизнь; они жили дѣтьми и въ дѣтяхъ. Теперь это понятіе всюду понемногу утрачивается, и остается понятіе объ отцѣ и матери, только какъ о виновникахъ нашихъ дней, пофранцузски: les auteurs de nos jours!

Знакомство съ княземъ Голицынымъ, въ высшей степени для меня пріятное, продолжалось двадцать лѣтъ. Въ продолженіи этого времени онъ четыре раза перемѣнилъ квартиру. «Къ чему это я началъ п е р е ѣ з ж а т ь!» часто говаривалъ онъ, «человѣкъ рѣдко найдетъ что нибудь лучшее, и у насъ это справедливо во всѣхъ отношеніяхъ». Мы много говаривали о политикѣ. Князь Голицынъ началъ службу дипломатомъ, а не военнымъ, какъ большинство высокопоставлен-

ныхъ лицъ. Однажды ему поручено было отвезти депеши изъ Мадрида въ Парижъ. До Французской границы приходилось ѣхать верхомъ. Лошадь его упала, и князь сломалъ себѣ руку. «Не смотря на это, я продолжалъ свое путешествіе; вы можете себѣ представить мое мученіе! Чувство долга поддерживало меня въ этомъ случаѣ».—Онъ любилъ говорить со мной о Ригѣ, гдѣ ему часто случалось бывать, но ненадолго. «Какое знаніе приличій въ обществѣ», часто повторялъ онъ, «какъ всѣ образованы; у насъ это было бы нелишнее!» Онъ любилъ Ригу и былъ знакомъ со всѣми знатными лицами въ городѣ. Жизнь онъ велъ самую простую: не курилъ и не игралъ въ карты. Онъ умеръ въ 1867 году вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Я многаго лишился съ его смертью: онъ былъ мнѣ невыразимо дорогъ и какъ человѣкъ, и какъ лицо государственное. Погребеніе сопровождалось великою торжественностью. Несмотря на 20-ти градусный морозъ, всѣ они—министры, члены совѣта, сенаторы, дипломаты, провожали тѣло въ Новодѣвичій монастырь. Я чувствовалъ всю важность потери, чувствую и до сихъ поръ. Послѣ Вьельгорскаго онъ былъ для меня самымъ вѣрнымъ другомъ: я пріобрѣлъ его своими собственными силами.

По своему общественному положенію, князь Александръ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ выдающимся княземъ Голицынымъ. Ихъ было трое: Сергій Михайловичъ въ Москвѣ, Александръ Николаевичъ въ Петербургѣ и Московскій генералъ-губернаторъ, всѣмъ извѣстный князь Дмитрій, какъ его называли для краткости. Сергій Михайловичъ Голицынъ былъ единственный въ Россіи дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, т. е. въ чинѣ фельдмаршала и потому имѣлъ собственную канцелярію. Этотъ высшій чинъ былъ пожалованъ еще одному только князю Александру Николаевичу, министру духовныхъ дѣлъ, впослѣдствіи министру почтъ, и больше никому. Государственному канцлеру онъ присвоенъ по должности.

Многочисленный родъ князей Голицыныхъ уступаетъ въ древности происхожденія Одоевскимъ, Лобановымъ-Ростовскимъ, Касаткинымъ-Ростовскимъ, Долгорукимъ, Оболенскимъ, Трубецкимъ. Родъ этотъ такъ развѣтвился, что въ Петербургѣ всѣ Голицыны носятъ различныя прозвища: есть Голицыны-рябчики, Голицыны-кулики, и прозвища эти не имѣютъ ничего оскорбительнаго. При разъѣздѣ, изъ театра и вездѣ, собственные ихъ лакеи выкрикиваютъ карету Голицына-рябчика и т. д. Кромѣ того были еще: Голицынъ-Ѳирсъ, Голицынъ рыжій, Голицынъ-католикъ, Голицынъ-віолончелистъ. Между собою они рѣдко въ родствѣ. Рябчику Голицыну принадлежалъ большой домъ на Владимірской (гдѣ теперь какой-то клубъ). Онъ былъ уже дѣдушкой, а все продолжалъ носить розовые галстуки. Онъ занимался музыкой, но слегка; у него подавался отличный ужинъ, но гостей бывало немного, и мы какъ-то терялись посреди огромныхъ, пустыхъ комнатъ.

Говорятъ иногда, что люди великодушно прощаютъ своему собрату превосходство въ познаніяхъ или въ умѣньи устроиться; но горе, если собратъ выкажетъ дарованіе или умѣнье, внѣ обычнаго круга своей дѣятельности. Подобное превосходство будетъ сочтено за оскорбленіе всѣми, стоящими на низшемъ уровнѣ: ему не заслужить снисхожденія, и онъ останется бѣльмомъ на глазу. Въ этомъ случаѣ нѣтъ различія между богатыми и бѣдными. «Какой это Львовъ?» спрашиваютъ васъ, «тотъ, что играетъ на скрипкѣ?» При этомъ упу-

скается изъ виду, что Львовъ занимаетъ военную должность и отличается, въ высшей степени, способностями и дѣловитостью по этой части. «Который графъ Вьельгорскій? Віолончелистъ, или композиторъ?» и при этомъ забываютъ, что и тотъ и другой люди высоко образованные и способные съ честью занимать любое высокое мѣсто на государственной службѣ.

Для чиновника основательное занятіе музыкой—вещь предосудительная; но для меня музыка послужила окольнымъ путемъ къ знакомству черезъ Львова съ княземъ Голицынымъ. У Львова мнѣ посчастливилось вообще: кромѣ встрѣчи съ княземъ Голицынымъ, со мной было тамъ происшествіе инаго рода. На вечерахъ у графовъ Вьельгорскихъ, нашъ братъ-музыкантъ пропадалъ, какъ капля въ проливномъ дождѣ; у Львова же помѣщеніе меньше, пространство ограниченнѣе. Хотя и здѣсь тоже бывалъ дворъ, собиралось тоже общество, но дамъ бывало не такъ много. Великимъ постомъ 1845 года Львовъ праздновалъ новоселье, былъ назначенъ вечеръ съ оркрестромъ (слово концертъ казалось черезъ-чуръ скромнымъ!), Государь обѣщалъ тоже пріѣхать. Начало назначено въ 9 часовъ. Общество уже все собралось. Львовъ, въ полной парадной формѣ, держа въ рукахъ шляпу съ плюмажемъ, стоялъ въ дверяхъ первой комнаты у лѣстницы, покрытой коврами, и ожидалъ Государя. Пробило десять часовъ, Государя все еще не было. Заиграли Це-мольную симфонію, первую часть которой Сѣровъ по ея унисонамъ называлъ монограммою, а я прозвалъ, не столь удачно какъ онъ, окрыленнымъ земнымъ шаромъ. Я сидѣлъ во второмъ ряду стульевъ съ лѣвой стороны, возлѣ меня помѣстился графъ Воронцовъ-Дашковъ, въ углу направо стоялъ пустой стулъ, въ двухъ шагахъ отъ дверей въ гостиную. Внезапно могучая, величественная фигура Николая появилась въ дверяхъ. Онъ тихонько прошелъ черезъ гостиную, запретивъ швейцару звонить. Львовъ стоялъ въ оркестрѣ у перваго налоя. При появленіи Государя всѣ поднялись какъ одинъ человѣкъ, и оркестръ умолкъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ рукою, всѣ сѣли, оркестръ вновь заигралъ. Государь продолжалъ стоять въ дверяхъ, но, увидавъ прямо передъ собою пустой стулъ, вдругъ сѣлъ рядомъ со мной! Меня словно обдало кипяткомъ; я устремилъ неподвижно глаза на оркестръ, но ничего не видѣлъ и не слышалъ. Государь тотчасъ же заговорилъ со мной порусски: «У тебя нога болитъ?»—«При перемѣнѣ погоды».—«Я тебя отправлю въ Гастейнъ». Я поклонился, но не рѣшился взглянуть на Государя. Я не видалъ его, я только чувствовалъ, что онъ тутъ, возлѣ. Государь зналъ всѣхъ и все. Вѣроятно, онъ зналъ и меня, хотя я ни разу не встрѣчалъ его у графовъ. У Блудова въ тотъ же самый вечеръ состоялось представленіе, подписанное моимъ начальникомъ Дегаемъ, о дозволеніи мнѣ ѣхать въ Гастейнъ.

Симфонія окончилась первою частью, продолжавшеюся минутъ шесть. Государь немедленно всталъ, подалъ руку хозяйкѣ и перешелъ въ гостиную; все общество послѣдовало за нимъ. Какъ только начался антрактъ, ко мнѣ подошли трое членовъ императорской фамиліи и стали у меня спрашивать: «Государь съ вами разговаривалъ? Что сказалъ Государь?»

— «Онъ посылаетъ меня въ Гастейнъ».

— «Ахъ, поздравляемъ васъ».—«Какая это у васъ палка?»

— Это чаканъ, мнѣ подарилъ ее Листъ, она мнѣ служитъ вмѣсто костыля.—«Прекрасная палка, замѣчательная палка!»

Во мнѣ было такое чувство, какъ будто я только что родился на свѣтъ и вотъ-вотъ начинаю жить.

Лѣтомъ я отправился въ Гастейнъ, потомъ въ Парижъ, а оттуда вмѣстѣ съ молодымъ фонъ-Эссеномъ мы проѣхали черезъ всю Испанію и отправились въ Римъ.

Въ Римѣ я встрѣтился съ молодымъ Танѣевымъ, отличнымъ латинистомъ и музыкантомъ (въ настоящее время статсъ-секретарь въ канцеляріи Его Величества); онъ везъ письма къ Государынѣ въ Палермо и предложилъ мнѣ мѣсто въ каретѣ. Дворецъ въ Палермо, гдѣ жила Императрица, находился подъ вѣдѣніемъ графа Шувалова (отца теперешняго нашего посла въ Лондонѣ), съ которымъ я былъ знакомъ, такъ какъ онъ былъ друженъ съ Вьельгорскими. Подъ его покровительствомъ я бы могъ отлично провести зиму въ Палермо: по вечерамъ мы бы занимались музыкой. Танѣевъ очень упрашивалъ меня. Искушеніе было сильное. Сицилія! А процессъ въ Петербургѣ? Я едва устоялъ противъ заманчивыхъ предложеній, съ которыми они приступали ко мнѣ. Передъ праздникомъ Рождества я пріѣхалъ въ Варшаву, оттуда выѣхалъ въ дилижансѣ на колесахъ. Государь долженъ былъ прослѣдовать здѣсь на пути въ Палермо, и его ждали. Въ лѣсу дилижансъ наткнулся на странную машину: множество лошадей было впряжено въ треугольникъ, составленный изъ бревенъ и занимавшій собою всю ширину дороги. Машину съ силою вталкивали въ снѣгъ и такимъ образомъ прокладывали путь, по которому иначе было бы трудно ѣхать дилижансу нашему, напоминавшему бочку Регула; пришлось терпѣливо пережидать проѣзда машины, и такимъ образомъ мы въ ночь сдѣлали только одну станцію.

Солнце еще не всходило, только блѣдно-красная полоса виднѣлась на Востокѣ, когда мы подъѣхали къ станціи, низкому, длинному деревянному строенію. Дальше ѣхать насъ не пустили, потому что Государь былъ тутъ.

Къ крыльцу подъѣхали открытыя двумѣстныя сани съ сидѣньемъ въ видѣ трона, покрытымъ коврами; они запряжены были шестеркой лошадей, двѣ впереди. Ямщикъ правилъ стоя. Вскорѣ вышли изъ дому двѣ высокія фигуры въ шапкахъ и шубахъ: Государь, и за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ графъ Орловъ. Государь сѣлъ въ сани, Орловъ съ нимъ рядомъ; ямщикъ сбросилъ съ головы шапку, перекрестился и крикнулъ ура! Конюхи и ямщики подхватили въ одинъ голосъ, лошади рванулись, и въ мигъ все исчезло. Фельдъегерь поскакалъ впередъ, двое казаковъ поѣхали сзади. Тогда только пропустили насъ, и мы вошли на станцію. На столѣ еще стояли чашки, изъ которыхъ Государь пилъ кофей. Какая противоположность съ моей первой встрѣчей у Львова, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ!

Извѣстно, что Государь очень скоро достигъ Палермо, но неизвѣстны нѣкоторыя подробности объ его пребываніи, которыя я могу сообщить здѣсь изъ первыхъ рукъ. Неаполитанскій король уступилъ Императрицѣ свой дворецъ въ Палермо, а самъ помѣстился въ одномъ изъ флигелей. Государь очень полюбилъ короля Обѣихъ Сицилій, и тотъ съ своей стороны былъ въ восторгѣ отъ Государя. Однажды графъ Потоцкій, нашъ посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ, пришелъ доложить Государю объ одномъ дѣлѣ, требовавшемъ разрѣшенія. Именно дѣло касалось постройки въ Неаполѣ Греческой церкви, что̀ сопряжено было съ большими затрудненіями, и графъ высказалъ мнѣніе, что дѣло это слѣдуетъ оставить. Но Государь, взявъ

изъ рукъ у него бумаги, сказалъ: «Я все сейчасъ устрою, мы съ королемъ пріятели» (amis les plus intimes). Императоръ пошелъ черезъ дворъ къ королю, но черезъ минуту вернулся назадъ. Императрица еще сидѣла за чаемъ. Государь, входя въ комнату, приставилъ руку къ носу и сдѣлалъ, что̀ называется, длинный носъ (un long nez). «Вотъ чего я добился»! сказалъ онъ; «сначала король былъ очень веселъ и радовался моему раннему посѣщенію; когда же я заговорилъ о дѣлѣ, онъ сказалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ: Этого я не могу сдѣлать, нечего объ этомъ и говорить. Я, разсказывалъ Государь, въ изумленіи посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ: «Я бы вамъ далъ въ Россіи сколько угодно католическихъ церквей; какимъ же образомъ одна моя церковь можетъ возбуждать такія затрудненія?» Тогда король всталъ и снова повторилъ: я этого не могу сдѣлать. Ну я и ушелъ!» Графъ Шуваловъ былъ въ то время у Государыни, и потомъ разсказывалъ Вьельгорскому, а я записалъ съ его словъ.

Въ заключеніе этой главы я думаю лучше всего привести нѣкоторыя черты изъ Петербургской жизни Государя, которыя мнѣ были неизвѣстны, но которыя Вьельгорскій слышалъ изъ устъ самого Государя.

Бывая въ Большомъ театрѣ, Государь иногда возвращался въ зимній дворецъ по Екатерининскому каналу. Была морозная, тихая ночь, мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ. На Каменномъ мосту стоялъ мальчикъ мастеровой и плакалъ горькими слезами надъ разбитой бутылкой. Государь приказываетъ остановиться. «О чемъ ты плачешь?»—«Хозяинъ послалъ меня за пивомъ, а я упалъ и разбилъ бутылку; теперь онъ меня накажетъ!»—«Гдѣ живетъ твой хозяинъ?»—«Здѣсь на каналѣ».—«Садись въ сани». Мальчикъ сѣлъ. Государь входитъ въ мастерскую сапожника и называетъ себя.—«Ну нѣтъ!» говоритъ сапожникъ (Государь съ неподражаемымъ юморомъ представлялъ сапожника), «какой вы Императоръ! Императоръ ко мнѣ не пойдетъ; можетъ быть вы генералъ, это пожалуй». Тогда Государь сказалъ: «Этого мальчика ты не тронь; сейчасъ за нимъ пріѣдетъ генералъ-адъютантъ и отвезетъ его ко мнѣ». Мальчика помѣстили въ Кадетскій Корпусъ. И сапожникъ, и мальчикъ были родомъ изъ Финляндіи и не задолго передъ тѣмъ пріѣхали въ Петербургъ.

Однажды вечеромъ Государь пришелъ кушать чай къ Государынѣ въ особенно веселомъ расположеніи духа. «Я получилъ самыя пріятныя донесенія насчетъ порядка въ войскахъ, сказалъ онъ; но хочу самъ посмотрѣть». Напрасно Государыня представляла ему, что и холодно и поздно. «Я полечу стрѣлой», отвѣчалъ Государь, «и осмотрю караульни». Вернулся онъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ восторга. «Вездѣ порядокъ примѣрный! Когда я подъѣзжалъ къ крайней караульнѣ у Тріумфальныхъ воротъ, то подумалъ: здѣсь навѣрно найду упущеніе; поэтому я запретилъ часовому звонить въ колоколъ и прямо вошелъ съ вопросомъ: «гдѣ дежурный?»—«У себя въ комнатѣ». Офицеръ спалъ у стола, положивъ голову на руки. Это позволяется, только бы быть при этомъ въ полной формѣ. Я осмотрѣлъ его, обошелъ вокругъ, все въ порядкѣ; я былъ доволенъ въ высшей степени. На столѣ лежала открытая карманная книжка; я взялъ ее въ руки, карандашъ лежалъ тутъ же. Кто заплатитъ за меня долги? прочелъ я въ книжкѣ, взялъ карандашъ, подписалъ свое имя и запретилъ будить офицера».

Въ Декабрѣ 1837 года сгорѣлъ Зимній дворецъ. Послѣ пожара Государь ѣхалъ въ саняхъ по дворцовой набережной. У Троицкаго моста,

видитъ онъ, стоятъ двое безъ шапокъ, въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ-солью, покрытое салфеткою. Государь велитъ остановиться. Мы, Бѣлый Царь, посланные отъ гостинныхъ дворовъ Москвы и Петербурга, просимъ у тебя милости, дозволь намъ выстроить тебѣ домъ». (Сколько милліоновъ могло это стоить!) «Спасибо», отвѣчалъ Государь; отъ души благодарю васъ. Богъ дастъ, я самъ смогу это сдѣлать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду».

XI.

Князя Александра Лобанова называли комодоромъ, потому что онъ былъ морякъ-охотникъ, основатель Яхтъ-Клуба. Онъ можетъ служить доказательствомъ, что наука всегда оказываетъ помощь тѣмъ, кто отдается ей всецѣло. Этотъ привлекательный по своему прямодушному характеру человѣкъ всю жизнь занимался спеціально исторіею Маріи Стуартъ, какъ едва ли кто другой въ Европѣ. Въ путешествіяхъ своихъ онъ собралъ цѣлую библіотеку, которая заключала въ себѣ единственные документы и драгоцѣнные источники, относящіеся къ исторіи несчастной королевы, и все что̀ только было написано о ней на различныхъ языкахъ. Графъ Вьельгорскій съ участіемъ говаривалъ о Лобановѣ. Въ царствованіе Александра I, онъ былъ блестящій офицеръ, любимецъ Императора. Женился онъ на самой богатой невѣстѣ въ Россіи, на графинѣ Безбородко и жилъ пышно и открыто въ своемъ громадномъ домѣ, который и по сю пору еще называется Лобановскимъ, хотя уже давнымъ-давно принадлежитъ Военному Министерству. По смерти княгини, Лобановъ съ друзьями своими, княземъ Голицынымъ и Бутурлинымъ, уѣхалъ въ Парижъ. Это было во времена Карла X-го. Лобановъ такъ понравился королю, что онъ уступилъ ему за извѣстную арендную плату замокъ и знаменитый лѣсъ въ Фонтенбло для охоты. Наши господа помѣстились въ замкѣ. Каждый вечеръ, по окончаніи спектаклей въ Парижѣ, кареты и почтовыя лошади привозили къ ужину въ Фонтенбло замѣчательныхъ артистовъ и артистокъ. Русская колонія прославилась въ Парижѣ своею роскошною, широкою жизнью. Черезъ нѣсколько лѣтъ Лобановъ былъ вынужденъ продать свой опустѣлый домъ въ С.-Петербургѣ, но покупщика было трудно найти. Тогда князь задумалъ разыграть его въ лотерею по 1 рублю билетъ и выпустить на милліонъ билетовъ. Государь не позволилъ этого. Впослѣдствіи Лобановъ пожелалъ передать свою библіотеку о Маріи Стуартъ въ хорошія руки. Государь взялъ ее и назначилъ ему пожизненную пеясію. Библіотека эта составляетъ часть малоизвѣстной Эрмитажной библіотеки, сокровищами которой можетъ свободно пользоваться всякій желающій. Лобановъ остался жить въ Петербургѣ. Въ высшемъ обществѣ онъ пользовался всеобщею любовью. Разъ въ годъ (великимъ постомъ) онъ давалъ раутъ для мужчинъ (онъ жилъ въ домѣ Штрауха, на углу Большой Морской и Гороховой). Я познакомился съ нимъ у графа Вьельгорскаго и почувствовалъ къ нему влеченіе. Онъ былъ охотникъ, я тоже прежде страстно любилъ охоту; но конечно мы въ Лифляндіи охотились не за оленями, какъ онъ въ Фонтенбло! Графъ Вьельгорскій представилъ меня ему подъ названіемъ coq de la poule (въ биліардной игрѣ). Въ то время въ знатныхъ Русскихъ домахъ вездѣ были заведены биліарды, въ подражаніе Французамъ. Но во Франціи это удовольствіе стоитъ дешево, не то что̀ у насъ. Лобановъ пригласилъ къ себѣ на раутъ

избранныхъ игроковъ изъ тѣхъ, которые бывали у графа. Всѣ они получили печатныя приглашенія (par carte imprimée). Графъ сказалъ: «Я очень радъ, что ты въ числѣ приглашенныхъ; тамъ есть на что посмотрѣть; ужинаютъ за маленькими столиками; мы сядемъ вмѣстѣ, ты увидишь кое-что!» Общество собралось избранное, высшее. Всѣ были въ бѣлыхъ галстукахъ. Какъ теперь вижу Англійскаго посланника лорда Стюарта Дё-Ротсея, потомка Шотландскихъ королей, добродушнаго старика съ палкой; онъ разговаривалъ чрезвычайно живо и съ интересомъ слѣдилъ за партіей на биліардѣ. Маркёръ былъ изъ Англійскаго клуба, извѣстный въ то время Тюринъ. Какое было великолѣпіе! Графъ былъ во фракѣ и со всѣми звѣздами. Лучше его не было тутъ никого. По внѣшности Воронцовъ-Дашковъ занималъ второе мѣсто, но въ лицѣ его недоставало ума и того многоговорящаго выраженія, которымъ было полно лицо графа. Лобановъ былъ одинаково любезенъ и съ знатными посѣтителями, и съ нами, маленькими людьми.

Здѣсь я въ первый разъ увидалъ графа Матушевича и сразу почувствовалъ къ нему уваженіе. Онъ былъ еще человѣкъ молодой, но уже имѣлъ Александровскую звѣзду. Онъ происходилъ изъ знатной Польской фамиліи и пользовался извѣстностью какъ Русскій дипломатъ. Онъ игралъ съ нами, и я все на него посматривалъ. Я зналъ только одного дипломата, у котораго были такія же вкрадчивыя манеры и притомъ такой же степенный видъ—это Курляндецъ графъ Павелъ Медемъ. (Съ нимъ познакомлю моего читателя впослѣдствіи).

Дѣйствительно, за ужиномъ я увидалъ нѣчто, какъ выразился графъ, а именно: Французскіе сухіе фрукты подавали въ ледяныхъ вазахъ. «Вотъ этого ты не могъ видѣть даже у меня! Изъ трехъ вазъ», объяснялъ мнѣ графъ, «рѣдко удается даже одна. Бьются цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ удастся сдѣлать такую изящную по формѣ, прозрачную какъ кристалъ вазу, непопорченную морозомъ. Плоды въ ней не замерзаютъ, но сохраняютъ свѣжесть и ароматъ. Видъ Русскихъ кристалловъ радуетъ наше зрѣніе; для желудка это тоже пріятно, и ему не грозитъ простуда». Лобановъ ходилъ вокругъ столовъ: «Très-réussi, mon cher!» [1]) сказалъ ему графъ. «Да!» отвѣчалъ тотъ, «вы понимаете толкъ въ этихъ вещахъ». Раутъ кончился въ 4 часа утра.

*

Князь Репнинъ былъ молодой человѣкъ, проводившій лѣто въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ и на зиму пріѣзжавшій въ С.-Петербургъ. Онъ былъ женатъ на Балабиной и жилъ въ домѣ Балабина на Англійской набережной; у него собирался избранный кружокъ играть на биліардѣ. Отецъ его былъ Полтавскимъ генералъ-губернаторомъ, а дѣдушка въ прошломъ столѣтіи занималъ туже должность въ Ригѣ. Онъ получилъ въ родительскомъ домѣ дѣльное Нѣмецкое воспитаніе и былъ похожъ на Нѣмца. Мы скоро съ нимъ сошлись. Репнинъ былъ неразлученъ съ Фишеромъ, домашнимъ деревенскимъ докторомъ. Въ то время домовый докторъ-Нѣмецъ считался необходимою принадлежностью всякаго знатнаго Русскаго дома. Фишеръ былъ большой чудакъ; съ нимъ всѣ обращались подружески. Когда шаръ биліарда попадалъ въ середину, онъ всегда объявлялъ: oh miliet (вмѣсто

[1]) Весьма удалось, мой милый!

au milieu), а мы подхватывали хоромъ и очень его за это любили. Когда Репнинъ пригласилъ къ себѣ избранныхъ изъ кружка графа, тотъ сказалъ мнѣ: «Опять ты нѣчто увидишь, что тебѣ понравится». По окончаніи партіи мы сошли по теплой лѣстницѣ, устланной коврами, въ нижній этажъ, гдѣ была столовая. Стѣны въ ней были, какъ въ Англійскихъ замкахъ, изъ темнаго дерева. Дядя Репнина, князь П. М. Волконскій прислалъ ему изъ Петергофскаго парка фазановъ, на которые онъ и пригласилъ графа. Ихъ подали прежде всего на большомъ серебряномъ блюдѣ, какъ pièce de résistance [1]). Графъ долго и внимательно смотрѣлъ на дичь, потомъ вдругъ взялъ крылышко и положилъ мнѣ на тарелку. «Вотъ что ты долженъ выбрать, лѣвое крыло. Подъ лѣвое крыло птица прячетъ голову на ночь, оно жирнѣе. Извините», обратился онъ къ Репнину, «молодыхъ людей нужно учить».

Когда потомъ, въ 4 часа утра, въ страшный холодъ, я возвращался домой въ саняхъ черезъ безконечную Адмиралтейскую площадь, то повторялъ вмѣстѣ съ Лепорелло: la vita che menate, signore, e di birbone; но читатель не долженъ забывать, что все это происходило въ наилучшемъ обществѣ и подъ руководствомъ такого свѣтлаго ума какъ графъ, и тогда навѣрное онъ найдетъ смягчающія вину обстоятельства. Въ Полтавѣ у Репниныхъ домовымъ докторомъ былъ Маркелингъ изъ Берлина, личность очень извѣстная. Благодаря рекомендаціи Репнина, онъ лечилъ всѣхъ въ высшемъ обществѣ, и потомъ устроилъ въ своемъ домѣ, при которомъ былъ садъ (на Грязной), больницу съ платой. Смерть его была очень странная: братъ его, искусный хирургъ, говорилъ, что онъ умеръ отъ отравы, и изъ уваженія къ памяти умершаго, благодаря которому онъ вышелъ въ люди изъ Парижской школы, хирургъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Лондонъ. Уголовнаго слѣдствія начать было нельзя: не было уликъ.

*

Графъ Эрнестъ Штакельбергъ былъ всегда однимъ изъ моихъ любимцевъ. Они могутъ быть у всякаго: для этого не надо быть графомъ. Онъ былъ посланникомъ въ Туринѣ и Вѣнѣ и посломъ въ Парижѣ. Судьба его блестяща, но онъ жилъ недолго. Когда, въ 1827 г., отецъ мой послалъ меня изъ перваго класса Рижской гимназіи въ Женеву изучать въ болѣе обширномъ объемѣ словесныя науки (такъ называемыя humaniores litterae, такъ какъ только онѣ дѣлаютъ человѣка настоящимъ человѣкомъ), я нашелъ въ ученомъ пансіонѣ знаменитаго провѣдника графа Бувье четырехъ братьевъ Штакельберговъ. Бувье былъ нѣкогда домашнимъ учителемъ въ Москвѣ у кн. Мещерскаго, любилъ и понималъ Русскихъ, а мы были Русскіе, хотя носили Нѣмецкія имена. Графъ Штакельбергъ-отецъ занималъ мѣсто посланника въ Неаполѣ, его хорошо знали въ дипломатическомъ мірѣ: онъ былъ уполномоченнымъ со стороны Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ. Эрнесту, третьему сыну, было 14 лѣтъ; онъ былъ моложе меня на 4 года, что въ этотъ возрастъ составляетъ значительную разницу. Благодаря этому обстоятельству, а также и довѣрію Бувье, Эрнестъ, самый способный изъ четырехъ братьевъ, былъ до нѣкоторой степени порученъ моему руководительству, конечно въ нравственномъ отношеніи, а не въ педагогическомъ. Я подружился съ бѣлокурымъ,

[1]) Наиболѣе изо всего обѣда сытное блюдо (гастрономическое выраженіе).

милымъ Эрнестомъ и съ его братьями. Разъ какъ-то утромъ, два старшіе, Оттонъ и Густавъ, пришли ко мнѣ въ комнату спросить, что̀ такое колежскій асесоръ. (Отецъ только что поздравилъ ихъ съ полученіемъ этого чина)! «Это значитъ», отвѣчалъ я имъ откровенно, «что вы, господа, пользуетесь незаслуженной протекціей, и потому еще до поступленія въ государственную службу получаете такой чинъ, тогда какъ другимъ нужно или держать докторскій экзаменъ, о которомъ вы и понятія не имѣете, или много лѣтъ состоять на дѣйствительной службѣ, да и то еще случается тутъ и остановиться. Вотъ что значитъ колежскій асесоръ». Старый графъ записалъ своихъ сыновей на службу къ своему другу, графу Нессельроде: въ то время это было возможно. Такимъ образомъ они ко времени вскрытія Невы и получили повышеніе. Отецъ подарилъ обоимъ братьямъ прекрасныхъ верховыхъ лошадей, на которыхъ они разъѣзжали, на удивленіе всему пансіону, лѣтомъ по берегу озера, зимою въ манежѣ. Еслибъ они вздумали гарцовать по узкимъ улицамъ города, то такимъ нарушеніемъ приличій возмутили бы всѣхъ, и народъ сбѣжался бы навѣрное. У меня же вмѣсто коня была рояль Бродвуда; за прокатъ я платилъ довольно дорого. Поэтому мнѣ дали самую большую комнату, съ постоянно дымившимъ каминомъ, передъ которымъ стоялъ экранъ, а на немъ были нарисованы самымъ первобытнымъ способомъ Телемакъ съ Ментором. По вечерамъ всѣ собирались у меня: Валь прекрасно пѣлъ романсы Шпора, я бренчалъ акомпанементъ, четверо братьевъ Штакельберговъ внимали намъ съ благоговѣніемъ. Валь былъ въ Дерптскомъ университетѣ, но, не кончивъ курса, уѣхалъ къ дядѣ, Русскому генеральному консулу въ Лондонѣ. Дядя отправилъ его въ Женеву доучиваться. Валь продолжалъ носить Дерптскій мундиръ, былъ лихой малый и отличный человѣкъ. Онъ, также какъ и я, жилъ независимо у Бувье, тогда какъ Штакельберги должны были подчиняться и Бувье, и еще своему гувернеру Роже, который тоже былъ пасторъ и иногда говорилъ проповѣди. Этотъ благородный человѣкъ написалъ мнѣ въ альбомъ: «любите меня, какъ вы любите Монбланъ; этого будетъ достаточно!» У меня была фанатическая любовь къ горамъ, что̀ доставляло неистощимую пищу остроумію Штакельберговъ. Эрнестъ, къ удивленію Бувье, написалъ очень хорошую оду, Александрійскими стихами, на восхожденіе на Монбланъ Женевскаго Ганнибала, Соссюра. Оду эту онъ показывалъ мнѣ издали, когда я, бывало, съ картою Келлера, стоя у буковой изгороди, возлѣ нашей хижинки на берегу Роны, каждый день смотрѣлъ на Монбланъ, поднимавшійся изъ-за Салева. Я не сводилъ очарованныхъ глазъ, какъ птица передъ гремучей змѣей. Чувство мое было вполнѣ искренно и продолжалось два лѣта. «C'est le côté divin de ma vie», говорилъ я Бувье, который хотя покачивалъ головою, но запретить не могъ. Всѣ живущіе въ домѣ обязаны были ходить въ церковь довольно часто; впрочемъ, прекрасныя Французскія проповѣди имѣли свою прелесть. Но за вечерней службой и Валь, и я аккуратно всегда засыпали. На Пасхѣ мы причащались, и потомъ, когда всѣ пришли ко мнѣ, я сыгралъ божественное Adagio изъ Бетховенской сонаты № 7. Бувье смутился. «Какъ», сказалъ онъ поспѣшно входя въ комнату, «музыка сейчасъ послѣ причащенія!» Я отвѣчалъ ему, что во всей Женевѣ нѣтъ алтаря священнѣе этого adagio. Добрякъ слыхалъ въ Москвѣ Фильда и думалъ, что въ му-

зыкѣ только и бываютъ ноктурны, выражающіе страстную любовь. Къ Троицыну дню я составилъ заговоръ, чтобъ провести праздникъ на Салевѣ. Старшіе Штакельберги и Валь присоединились ко мнѣ, и Бувье долженъ былъ уступить, но велѣлъ взять съ собою Библію съ проповѣдью на день Св. Троицы, и прочесть тамъ на горѣ. Мы все это исполнили, какъ подобаетъ честнымъ людямъ. На этой прогулкѣ я чуть-чуть не погибъ. Густавъ слыхалъ о «Grande Gorge» и непремѣнно хотѣлъ отправиться этой дорогой на Салевъ. Ущелье это представляетъ крутую ложбину въ известковомъ утесѣ, безъ всякихъ дорогъ и тропинокъ. Густавъ взбирался впереди меня. Скала заслонила ему путь; тогда ему вздумалось вдругъ столкнуть шаткій камень, висѣвшій надъ нашими головами. Еслибъ ему удалось это, мы бы всѣ погибли. Къ счастію, я поднялъ голову и закричалъ въ ту минуту, какъ камень уже началъ подаваться. Я понималъ опасность, я уже изучилъ Альпы, но до сихъ поръ еще не постигаю, какимъ образомъ намъ удалось взобраться на верхъ по этой дорогѣ; платье на насъ было все въ клочкахъ, когда мы, наконецъ, усѣлись читать проповѣдь на Троицынъ день. Салевъ возвышается на 4000 ф. надъ уровнемъ моря, отъ подошвы до вершины все-таки 3000 ф. Я прочелъ спутникамъ отчаянную нагорную проповѣдь.

Изъ дому мы вышли въ 4 часа утра, а вернулись только въ 6 ч. вечера. Бувье очень сердился: отъ Штакельберга изъ Неаполя пріѣзжалъ какой-то знатный баринъ съ віолончелью, а насъ никого не было дома! Мы потихоньку переодѣлись, но я настаивалъ, что не слѣдуетъ скрывать нашего путешествія черезъ ущелье, только не говорить, что это придумалъ Густавъ. Я бралъ вину на себя, но Валь горячился и не хотѣлъ мнѣ уступить. Вечеромъ знатный баринъ опять пріѣхалъ. Это былъ графъ Матвѣй Вьельгорскій. «Я обѣщалъ графу въ Неаполѣ сыграть что нибудь его сыновьямъ, но кто же будетъ мнѣ акомпанировать?» Я сѣлъ за плохенькое фортепьяно (моя рояль оставалась въ городѣ). Тутъ я въ первый разъ услыхалъ концертъ Ромберга, который графъ игралъ артистически и наизустъ. Монбланъ привѣтливо глядѣлъ на насъ черезъ стеклянную дверь, выходившую въ садъ. Я почувствовалъ невыразимую симпатію къ Русскому графу, который путешествовалъ съ віолончелью и игралъ концерты наизустъ. Могъ ли я предвидѣть, что этотъ самый человѣкъ, этотъ великій художникъ, будетъ цѣлыя 25 лѣтъ моимъ благодѣтелемъ въ Петербургѣ? Когда 6 лѣтъ спустя (въ 1836 г.) онъ увидалъ меня у своего геніальнаго брата, первыми его словами были: «Мы уже товарищи, онъ акомпанировалъ мнѣ въ Женевѣ!» Графу Михаилу было очень пріятно это слышать, потому что братья жили душа въ душу; это были два тѣла и одинъ духъ.

Оттонъ Штакельбергъ особенно любилъ меня; онъ часто заходилъ ко мнѣ въ комнату и оставался подолгу. Онъ былъ четырьмя годами старше меня; уже тогда въ немъ была замѣтна наклонность къ меланхоліи, но онъ былъ очень милый и замѣчательно скромный человѣкъ. Впослѣдствіи ему достался одинъ изъ богатѣйшихъ майоратовъ, имѣніе Паггаръ въ Эстляндіи, по Петербургской дорогѣ. Онъ женился на дочери ландрата Липгарда, моего великодушнаго Дерптскаго мецената. Графъ Сологубъ (писатель) и я были единственные студенты, допускавшіеся въ его святилище, гдѣ исполнялись квартеты съ постояннымъ участіемъ Фердинанда Давида (изъ Лейпцига) Ромберга. Всѣ артисты были въ продолженіи многихъ лѣтъ у него

на жалованьи. У Липгарда бывалъ также баронъ Павелъ Фитингофъ, замѣчательный піанистъ и импровизаторъ. Про него Мошеллесъ говорилъ мнѣ: «Онъ изумилъ меня своими импровизаціями!» Знаменитый хирургъ Мойеръ тоже превосходно игралъ на фортепьяно; особенно удавался ему связный стиль (im gebundenen Style). Но оба они были приверженцами Гуммеля, который тогда первенствовалъ въ области фортепьянной музыки. Оригинальнѣе всѣхъ былъ глухой баронъ Павелъ Крюденеръ, который, не смотря на то, отлично игралъ на скрипкѣ и основательно зналъ музыку. Самъ я участвовалъ въ задушевномъ Веберовскомъ тріо съ флейтой, Давидъ исполнялъ партію флейты. Тріо это совершенно неизвѣстно, и Фитингофъ, переворачивавшій мнѣ страницы, изумился фантазіи Вебера, до которой его Гуммелю было далеко. Лѣтомъ наша веселая компанія отправлялась въ шарабанѣ Липгарда къ нему на дачу, и тамъ-то услыхалъ я въ первый разъ Е-мольный квартетъ Бетховена. Онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Думалъ ли я тогда, что когда нибудь напишу монографію этого творенія и въ Петербургѣ вновь услышу его у Вьельгорскаго и у Львова? Для нихъ квартетъ этотъ былъ сердечнымъ другомъ!

Памятное было времячко (1829—1831)! И въ университетѣ, и въ самомъ Дерптѣ былъ урожай на хорошихъ людей. У Липгарда Крюденеръ побился объ закладъ съ Фитингофомъ на большую сумму, что онъ хотя не піанистъ, но въ три мѣсяца выучитъ первую часть А-мольнаго концерта Гуммеля и тогда сыграетъ ее, конечно не артистически какъ Фитингофъ, но безъ ошибокъ, безъ запинки, съ акомпаниментомъ квартета (что̀ очень облегчаетъ дѣло піаниста). Крюденеръ выигралъ.

Липгардъ часто ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ онъ участвовалъ въ винныхъ откупахъ вмѣстѣ съ Риттеромъ. Въ сороковыхъ годахъ я посѣтилъ его въ гостинницѣ Кулона (теперь Европейская). «Чувство признательности привело меня къ вамъ, ваше превосходительство», сказалъ я ему. Студентикъ, котораго вамъ было угодно отличить между другими, сдѣлался другомъ Вьельгорскихъ и Львова. Если теперь вамъ угодно послушать музыки въ ихъ домѣ, гдѣ такъ часто поминается ваше имя, то позвольте мнѣ служить вамъ посредникомъ».— «Я ужъ теперь не слушаю музыки», отвѣчалъ Липгардъ: «Фитингофъ и Крюденеръ померли, квартетъ мой разбрелся; музыка слишкомъ много взяла у меня жизни; кажется, и съ вами случилось тоже самое?» — «Я съ вами согласенъ, ваше превосходительство; но мы достигли той ступени въ искусствѣ, когда оно уже становится словно Апостольскимъ призваніемъ; мы говоримъ какъ Орлеанская Дѣва: «Я не могу идти безъ своего знамени».—«Благодарю васъ, останьтесь обѣдать, разскажите мнѣ про Львова, онъ меня очень интересуетъ; вамъ, какъ другу моего дома, я повѣрю».—«Въ частностяхъ, въ гибкости смычка, въ техникѣ, онъ далеко уступаетъ Давиду, но звучность и выразительность его игры, пониманіе смысла произведенія таковы, что его можно слушать съ любопытствомъ даже послѣ величайшихъ виртуозовъ; особенно хорошъ онъ въ Моцартѣ и въ первыхъ одиннадцати концертахъ Бетховена; послѣднихъ пяти онъ не играетъ, хотя они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ».—«Я ихъ не понимаю, и мнѣ они ненужны; ихъ, кажется, кто-то назвалъ Апокалипсисомъ, не вы ли?»—«Очень сожалѣю, что не я; названіе это совершенно вѣрно относительно первой и второй группы; но Апока-

липсисъ этотъ—нашъ насущный хлѣбъ; онъ заставляетъ насъ стремиться все выше и выше!»—«Куда же?» сухо спросилъ Липгардъ.—«Туда, гдѣ обитаетъ душа музыки, воплотившаяся въ формѣ квартета, туда, гдѣ за предѣлами квартета носится фантазія, освобожденная изъ оковъ условности».—«Я не желаю выходить изъ этихъ предѣловъ; я доволенъ тѣмъ что̀ есть». Когда столъ былъ накрытъ, я сказалъ: «Ваше превосходительство, я никакъ не могу забыть вашего petit Bourgogne; это было первое вино, которое я узналъ. Къ Рождеству вы всегда пріѣзжали изъ Петербурга, и тогда у васъ пили красныя вина въ пивныхъ стаканахъ, попетербургски; въ Дерптѣ этого обыкновенія еще не было».—«Какой вы признательный человѣкъ! Не всѣ таковы», сказалъ онъ серьёзно. «Я вамъ всегда и наливалъ, вѣдь вы садились возлѣ меня. Ну Бургонское найдется и здѣсь, только пить будете вы одни: я больше не пью». Мнѣ стало его жаль. Послѣ Бургонскаго онъ заговорилъ съ горячностью: «Скажите мнѣ, по совѣсти, здѣшній квартетъ лучше моего, и чѣмъ именно?» – «Вашъ стоялъ выше: въ немъ было больше общности, всѣ исполнители одинаково хорошо изучили свое дѣло; а у насъ плохъ альтъ» (Вейкмана тогда еще не было). Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку черезъ столъ и сказалъ для меня многозначительныя слова: «Стало быть, я жилъ на свѣтѣ не напрасно! Но не слишкомъ ли завладѣваетъ музыка человѣкомъ, въ ущербъ остальнымъ жизненнымъ интересамъ?» — «Не жалѣйте ни о чемъ, ваше превосходительство: и со Львовымъ, и съ графомъ случилось тоже самое; но развѣ это ничего не значитъ, что вотъ я, послѣ столькихъ лѣтъ, чувствую такую искреннюю къ вамъ благодарность?»—«Благодарю васъ: вы честный человѣкъ, вы меня поняли, и это меня радуетъ».

Разговоръ этотъ имѣлъ для меня значеніе, и кажется, мои слова дѣйствительно утѣшили почтеннаго старика. Я тотчасъ же отправился къ графамъ и передалъ все до малѣйшихъ подробностей.

Судьба четырехъ братьевъ Штакельберговъ очень поучительна. Въ 1833 г., проѣздомъ въ Петербургъ, я заѣхалъ къ Оттону. Послѣ утренняго кофею я хотѣлъ ѣхать дальше, но онъ отослалъ назадъ на станцію моихъ лошадей и хотѣлъ, чтобъ я непремѣнно ѣхалъ на его лошадяхъ. Это было совсѣмъ потоварищески и напоминало Женеву, Монбланъ, озеро! Вскорѣ послѣ того я получилъ грустное извѣстіе: графъ Оттонъ впалъ въ глубокую меланхолію. –Густавъ, нѣсколько напыщенный господинъ, вступилъ въ дипломатію и былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ. Онъ бывалъ у меня въ Петербургѣ. Организмъ его былъ разстроенъ вслѣдствіе несчастнаго случая на охотѣ въ имѣніи брата. Они дѣлали облаву на лося и всѣ шли сквозь низкій тернистый кустарникъ, какъ вдругъ ружье лѣсничаго, шедшаго сзади Густава, зацѣпилось за вѣтку и выстрѣлило въ упоръ; цилиндрическая пуля, самая опасная изъ всѣхъ, прошла насквозь. Густавъ остался живъ, главные органы повреждены не были, но онъ сталъ чахнуть и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.—Графъ Эрнестъ поступилъ въ артилерійскую школу въ Петербургѣ, мучился съ экзаменами на Русскомъ языкѣ и потомъ поступилъ въ адъютанты къ военному министру графу Чернышеву. Онъ быстро пошелъ въ гору, переселившись изъ военной службы въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ тѣмъ же чиномъ, былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и наконецъ посланникомъ. Онъ былъ женатъ на Француженкѣ и умеръ въ Парижѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ. Когда онъ пріѣзжалъ въ Пе-

тербургъ, я его встрѣчалъ у графа, у Сологуба, у министра Валуева. Обращеніе его со мной было вѣжливое и равнодушное. Дружба между молодыми людьми не всегда бываетъ долговѣчна. Въ матеріальномъ отношеніи холодность его не имѣла для меня значенія, но въ нравственномъ я не могъ оставаться равнодушнымъ. «Мы живемъ людьми и для людей, а не собою только и для себя!» сказалъ кто-то разъ при мнѣ.—Графъ Александръ былъ человѣкъ очень умный, но умъ его принялъ исключительно Французское направленіе, еще въ большей степени, чѣмъ у его брата. Въ Петербургѣ онъ меня часто посѣщалъ, можетъ быть оттого, что любилъ самъ себя слушать, а меня интересовали сильно его termes techniques de la marine*). Онъ былъ морскимъ офицеромъ, но скоро сказалъ, какъ Тринкуло (въ «Бурѣ» Шекспира): «въ море я больше не поѣду!» и отправился къ отцу въ Парижъ. Онъ зналъ только одинъ языкъ, одну литературу. Часто случалось мнѣ выражать сожалѣніе по этому поводу. Онъ умеръ въ Парижѣ въ молодыхъ лѣтахъ. Отецъ его былъ именно тотъ таинственный покровитель Маріи Готье, о которомъ говорится въ романѣ Александра Дюма-сына la Dame aux camélias (названіе ставшее типическимъ). Александръ Штакельбергъ получилъ очень поверхностное Французское воспитаніе, но онъ умѣлъ всегда быть занимательнымъ.

Такъ кончили четверо графовъ Штакельберговъ. Въ Женевѣ они много обѣщали, но потомъ для меня они обратились въ туманныя пятна на горизонтѣ большаго свѣта. Въ жизни слѣдуетъ полагаться на свои силы да на трудъ. Я не говорю, чтобъ мнѣ не нужны были мои Женевскіе друзья, но замѣчаю, что многое, очень многое въ жизни построено на пескѣ!

---

*) Техническіе морскіе термины.

Дополненія, замѣтки и поправки.

1.

Къ стр. 249. Въ «Воспоминаніяхъ» Ф. Л. Ляликова о Ревелѣ разсказано о томъ, какъ Петръ Великій наказалъ одного Эстляндскаго помѣщика дубинкою за его невѣжливость и прибавлено: «Меня увѣряли, что нѣкоторыя особы эту палку видѣли».

Намъ пишутъ изъ Ревеля, что помѣщикъ этотъ назывался Фонъ-Рамъ, и что его потомкамъ, того же имени, доселѣ принадлежитъ, неподалеку отъ Гапсаля, та мыза, гдѣ въ столовой комнатѣ, украшенной фамильными портретами и рѣдкостями, хранится въ шкапу, въ отдѣльномъ помѣщеніи, дубинка Петра Великаго. Она имѣетъ видъ монашескаго посоха. Тутъ же виситъ и портретъ испытавшаго на себѣ дѣйствіе ея. Но анекдотъ разсказывается на мѣстѣ съ нѣкоторымъ разнорѣчіемъ. Петръ проѣзжалъ мимо мызы Фонъ-Рама и выразилъ желаніе позавтракать. Хозяинъ мызы, тутъ же находившійся, сталъ отнѣкиваться и извиняться, говоря, что ему нечѣмъ угостить высокаго гостя Тѣмъ не менѣе Петръ и всѣ его провожатые, пріѣхавъ на мызу, нашли, что всего наготовлено съ избыткомъ. Послѣ пирушки на прощаньѣ Государь ударилъ хозяина дубинкою и сказалъ полушутя: «Это тебѣ за то, что ты отговаривался и не хотѣлъ принять меня!» Фонъ-Рамъ выпросилъ оставить ему дубинку на память. Ее до сихъ поръ можно видѣть, и женщина-экономка, указывая на портретъ Петровскаго Фонъ-Рама, прибавила посѣтителю мызы, который намъ сообщаетъ эти подробности:« Der hat es bekommen!» (вонъ тотъ получилъ это, т. е. ударъ дубинкою).

2.

Въ Русскомъ Архивѣ 1878, въ тетради 4-й, напечатаны любопытныя воспоминанія Лифляндца, который не выставилъ имени своего.

Впрочемъ вскрыть этотъ анонимъ, кажется, нетрудно. Онъ самъ говоритъ, что ему принадлежитъ сочиненіе: Beethoven et ses trois styles. Охотники до музыки и спеціалисты должны знать, кто писалъ эту книгу.

Въ эти воспоминанія вкралась маловажная ошибка. На стр. 464 сказано, что, по случаю убіенія Русскаго посланника Грибоѣдова, пріѣзжалъ въ Петербургъ Аббасъ-Мирза. Это не точно: пріѣзжалъ не Аббасъ-Мирза, а сынъ его Хозревъ-Мирза.

На стр. 454. Можно подумать, что Даршіакъ находился тоже въ Русской службѣ. Этого не было. Даршіакъ состоялъ при Французскомъ посольствѣ, и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Лифляндца слѣдуетъ разумѣть не его, а маркиза Пина (marquis de Pina), который былъ дѣйствительно маленькаго роста и съ незначительнымъ лицомъ, чего про Даршіака никакъ нельзя было сказать.